



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ ФРУМКИН

РОЖДЕННЫЙ
СВЕТОМ

Сергей Фрумкин
Рожденный Светом

«Автор»

2003

Фрумкин С. А.

Рожденный Светом / С. А. Фрумкин — «Автор», 2003

ISBN 5-93556-276-6

Настоящий солдат, вынужденный проливать кровь ради удовлетворения амбиций тех, кого он даже не знает, сержант вооруженных сил Ростера не видит для себя иного пути и мечтает лишь об удачном продолжении военной карьеры. Но жизнь иногда преподносит сюрпризы, а мир зачастую оказывается совсем не таким, каким кажется...

ISBN 5-93556-276-6

© Фрумкин С. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Фрумкин

Рожденный Светом

Глава 1

– Повторяю суть задания, – громыхал в шлемах солдат суровый голос лейтенанта. – С орбиты заметили «слепую» зону – импульсы радаров отражаются от поверхности, расположенной на пару десятков метров выше, чем отмеченный ранее на картах уровень суши. Аналитики предположили, что противник проник на нашу территорию и накрыл квадрат сто на сто метров маскирующими полями, скрывая некую деятельность от наших зондов-шпионов. Судя по небольшому размеру квадрата, под силовыми щитами может обнаружиться вход в глубокий бункер или что-то в этом роде. Посланные под маскирующие щиты роботы-разведчики типа «крот» не вернулись. Последовавшая за «кротами» разведгруппа спецназа обнаружила вход в зону, но встретила сопротивление, почему и вызвали нас. Наши действия: высаживаемся, проникаем под щиты, уничтожаем излучатели силового поля и отступаем, открывая территорию для удара с воздуха... Вопросы будут?

– Спецназ заказал роту пушечного мяса, – криво усмехаясь, прокомментировал на ухо сержанту «104». – Какой кошмар – «встретили сопротивление»!

– Отставить! – огрызнулся сержант. – Прибереги свои замечания до возвращения на базу! «104» сидел в противоперегрузочном кресле бота за спиной сержанта, но шлем лат повышенной защиты с круговым обзором давал возможность увидеть лицо говорившего. Темнокожий рядовой улыбался и пытался шутить, только в его глазах вполне заметно дрожал огонек набирающего силу страха...

«Латы повышенной защиты»: круговой обзор; система биолокации; энергонепроницаемая броня; набор всевозможных приспособлений, как то – ножи, кусачки, плазменный резак, лебедка, аптечка; климат-контроль, вентиляция, электронные навигатор и логистик... и усилители мускульной силы, чтобы тягать на себе всю эту грудку металлолома. Десантники ненавидели эти металлические одноместные гробы, как прозвали в частях интеллектуальные латы – не столько даже из-за того, что те ценились выше человеческой жизни и волновали командование больше, чем судьбы людей, которых должны были защищать; а, скорее, потому, что приказ «одеть латы!», неизменно означал: «вернутся не многие!».

Сержант, как и все те, кто отдавал жизни в войне на Клероне, был «безымянным». Его двадцатизначный личный номер начинался указанием звездной системы, где находился «Эмбриональный Центр» – место зарождения и взращивания миллионов безымянных младенцев, продолжался номером самого Центра в списке генетических лабораторий галактики и завершался индивидуальным кодом, определяющим файл данных в международной картотеке и полностью характеризующим гражданина для всех действующих в космосе систем идентификации.

Последние три цифры номера-имени сержанта были 947. Как правило, и этого хватало. Если бы поблизости объявился еще один 947-ой, «краткое имя» солдата удлинит бы на одну-две цифры – тогда оно выглядело бы, как «56947»...

947-мому едва исполнилось двадцать пять лет. Для Ларнита – планеты, где прошли детство и юность солдата – возраст незначимый, незрелый, подростковый. Для десантной дивизии вооруженных сил Ростера – почтенный – здесь редко доживали до тридцати. Настоящей удачей здесь считалось не уцелеть, а сменить место службы или подняться в должности, избавившись от стали боевых лат в пользу легкого кителя штабного офицера...

Очередное задание не обещало стать ни более интересным, ни более героическим, ни более важным, чем все предыдущие. Бот рушился вниз со скоростью семьсот километров в час не ускоряясь и не притормаживая – лишь перед самой посадкой на поверхность планеты перегрузка даст о себе знать, на какое-то мгновение попытавшись вырвать тела солдат и одного офицера из цепких, надежных захватов массивных кресел. А до этого момента десантники не ощущали ничего – только стук встревожившегося от предвкушения очередного бессмысленного риска сердца в висках, да тяжелое, нервное, свистящее сквозь сжатые до хруста зубы дыхание из сотни глоток товарищей в системах звуковой связи шлемов.

У этого задания была только одна особенность – оно должно было стать последним в сезоне – рота 947-го отработала свое и могла уйти на очередной месячный отдых, перекочевав из зоны военных действий на орбиту дислокации кораблей резерва. Поэтому, все мечты и мысли солдат связывались с предстоящим отдыхом – кто-то представлял себя гоняющим по залу мяч, кто-то – просиживающим сутки в видеозале, кто-то – болтающим с далекими подругами по глобальной информационной сети, кто-то – повышающим уровень образования и сдающим экзамены на курсы младшего офицерского состава... О смерти не думал никто, как никто не хотел возвращаться в мыслях к неприкрашенной реальности – к полумраку бота, к покрытым энергоотражающими чешуйками стальным латам на спинах впереди сидящих товарищей и, к кажущимся одушевленными из-за нагоняемого ими страха, тяжелым импульсным излучателям в чехлах на голених – во всяком случае, пока машина не распахнет люков, а пронизывающий до спинного мозга рев лейтенанта не возвестит: «прибыли!!!».

Шлемы приглушили грохот выпадающих наружу бортов-трапов. Зато только усилили и без того надрывный крик командира: «Вперед! Вперед! Вперед!» Выпрямившиеся кресла придали дополнительный импульс, подбрасывая на ноги.

Снаружи чернела безлунная ночь Клерона. Бот стоял на скалистом, лишенном растительности, но усыпанном большими и маленькими осколками гранитной породы плато. Насколько хватало глаз – резкие грани, глубокие тени, непролазные завалы. Отвратительное местечко!

– Объект в трех километрах южнее, – сообщил из динамиков шлема голос лейтенанта. – Приготовиться к марш-броску!

Выстроившись цепочкой, они побежали по «тропе» – узенькой полоске ровной поверхности между завалами каменных глыб.

947 прислушивался к каждому шороху, приказав компьютеру лат по максимуму «навести уши». Внутреннее беспокойство предшествовало любой операции, но на этот раз, казалось, оно нервировало более обычного.

– Сэр, на месте врага я бы устроил засаду между камнями. Почему нам не послать вперед разведчиков? – сержант поделился сомнениями с командиром.

– Мы у себя в тылу, 947! ... А разведчики ждут у объекта.

Дорога уходила в большую воронку – оставалось гадать – естественного или искусственного происхождения – война так вскопала поверхность злосчастной планеты, что следы человеческой деятельности отпечатались едва ли не на каждом пяточке ее суши и океанского дна. Идти стало труднее – глыбы гранита увеличились в размерах и то и дело пересекали тропу, вынуждая карабкаться по их отвесной поверхности с применением магнитных присосок перчаток и ботинок лат.

– Нам подали знак «внимание»! – сообщил командир.

Рота замерла. Дальше пошли медленно, пригнувшись и ступая след в след. Впереди глыбы гранита образовывали своего рода тоннель – повалившись друг на друга несколько плит оставили под собой узкую щель – ровно такую, чтобы мог протиснуться один человек в бронированных латах. У входа в этот «тоннель» солдат ждали – невидимые до этого мгновения тени выбрались из щелей-укрытий и отключили рассеивающее свет маскировочное излучение своих многофункциональных неармейских лат – легких, удобных, не стесняющих движений

и напичканных электроникой не хуже стальной брони ударного отряда десантников. Три суровых обветренных ветрами многих миров морщинистых и немолодых лица возникли из темноты, а святящиеся отраженным светом от устройств ночного видения десантников глаза с легким пренебрежением изучили вновь прибывших.

«Наемники», – подумал 947. – «Свободны в своих действиях, сами себе хозяева, прекрасно экипированы, не рискуют, не лезут в пекло, и зарабатывают – дай бог иному майору...»

– Кто командир? – спросил старший в тройке.

Лейтенант поднял руку.

– Сэр, – объяснил разведчик, водя пальцем по воздуху. – В двух метрах от вас – силовая стена типа «N». Опущена в виде полусферы. Радиус – пятьдесят метров. Не непроницаемая, но напряжение зажарит вас в ваших латах, как яйца в скорлупе. Щель видите? Силовая стена как бы опущена сверху. Под плитами можно пробраться под купол сферы.

– Что там? – спросил лейтенант.

– Вот вы и расскажите, – ухмыльнулся разведчик.

– Нам сообщили о сопротивлении? – уточнил лейтенант.

– Мы туда не влезали, – отрезал наемник. – Для этого есть вы. Роботы не вернулись – вот вам и сопротивление, – он сделал знак своим людям, приказывая удалиться из зоны и, улыбнувшись, бросил: – Удачи!

Лейтенант обвел взглядом роту десантников. Три сержанта. Девяносто рядовых.

– За мной! – командир пошел первым.

947 на мгновение замешкался, пропуская десяток рядовых мимо себя. Его взгляд задержали гранитные плиты. В них было что-то подозрительное – казалось невероятным, чтобы природа обвалила сразу два каменных блока таким образом, чтобы каждый из них не дал упасть товарищу. И потом – почему затаившийся под сводом защитного поля враг допустил явную брешь в своей обороне? Что стоило ему расположиться на несколько метров дальше или, наконец, просто расчистить занимаемую площадку?

Логистик лат пока молчал, но тот опирался на факты, а не на предчувствие.

– Сэр... – решился позвать командира 947.

По плечу стукнул кулак 888.

– Давай! – поторопил его второй сержант. – Твои уже там! Струсил, Семерка?!

Объяснять не было времени. 947 отмахнулся от подозрений, склонил голову, чтобы не удариться ею о потолок, и втиснулся в узкий проход «тоннеля».

«Глупо» – думал он, с трудом передвигаясь боком и слыша, как и впереди, и сзади точно так же копошатся сжатые стенами товарищи. – «Мы здесь, как рыбки в консервной банке. Один излучатель изнутри, один снаружи – никто и не дернется...»

Пространство благополучно расступилось, охватив сержанта чернотой, в которой тонули даже импульсы устройств ночного видения шлема. Вероятно, как раз про такую картину говорили: «хоть глаз выколи». Мрак оказался густым, материальным, весомым.

«Под куполом дополнительная защита» – понял 947. – «Сверху – поле маскирующее, чтобы не заметили станции, вокруг – ионизирующее, чтобы не проникли разведчики противника, внутри – поглощающее фотоны света, чтобы лишить ориентации... Но к чему гасить свет еще и внутри?! Разве только...»

В этот момент что-то полыхнуло бледно-голубым всполохом. В свете энергетического заряда, 947 разобрал множество фигур вокруг себя – вся рота миновала проход под плитами и точно также, как и он сам, озиралась в абсолютном мраке. За первым всполохом полыхнул второй, затем третий, наконец – целая очередь плазменных зарядов осветила дорогу от центра опасной зоны, к месту, где стояли непрошенные визитеры. Солдаты, которых достигли голубые огни, начали падать, словно подкошенные...

– Лежать!!! – опомнился сержант. – Всем лечь на землю!!!

– Лечь на землю! – подхватил и командир. – Открыть огонь по врагу!

В едва развеиваемом плазменными зарядами синеватом мраке что-то происходило. Некое крупное существо выползло из под земли в самом центре очерченного силовым полем пространства. Оно держалось на огромных многочисленных лапах и неторопливо выпрямлялось на них, возвышаясь над залегшими на земле солдатами.

– Паук! – испуганно прошептал 888. – Черт! Ловушка!

– Робот-убийца, – каким-то чудом сохранив спокойствие, прокомментировал лейтенант. – Ручным излучателем его не возьмешь... Немедленно обеспечьте мне связь с командованием!

– Связи нет, сэр! – ответил третий сержант. – Маскирующее поле паука препятствует!

– Поэтому-то «кроты» ничего и не сообщили... – понял лейтенант. – Отходим, как пришли! Быстро! Кто первым выберется, доложить ситуацию на ракетоносце!

Противопехотный автомат «паук» полностью выбрался на поверхность и активизировался, открыв огонь из доброго десятка своих станковых излучателей. Среди солдат началась паника – беспомощно отстреливаясь, они отползли к тоннелю, ведущему из зоны поражения. Их потери росли с каждой секундой.

«Здесь только «паук»?» – осознал 947. – «Под силовым куполом больше ничего нет? Зачем засекречивать местонахождения паука, который наоборот должен привлекать внимание своих жертв?»

– Сэр! – закричал 947, оборачиваясь к лейтенанту, который уже протискивался между плитами, ведущими наружу. – Сэр, назад! Сэр, это ловушка! Паук новой модели – он излучает маскирующее поле только, чтобы заманить под него как можно больше людей и техники! Пути к отступлению быть не может – смысл ловушки, чтобы снаружи не догадались, что под маскирующим полем всего лишь один паук-убийца! Он психологически толкает нас удирать той же дорогой! Выход закрылся, сэр!

Лейтенант не послушался. Возможно, он просто не слышал. По связи к командиру долетали сейчас не только слова сержанта, но и проклятия, стоны, всхлипывания и рев боли ребят роты, свариваемых заживо от чересчур сильных для защитного покрытия лат зарядов.

Видя, что предупреждение не подействовало, 947 рванулся к тоннелю, перегораживая его собой и отбрасывая назад очумелых от испуга, рвущихся наружу товарищей. Перед ним вырос 888 – глаза блуждают, руки трясутся. 888 направил на 947-го дуло излучателя, но в этот момент в тоннеле полыхнул свет. Предположение сержанта подтвердилось: заманив к себе в нору добычу, паук перекрыл выход, усилив мощность силового поля. Зажатые узким проходом стен, лейтенант и те, кто раньше него успел протиснуться к выходу, сторели от напряжения купола.

Так это или нет, но лейтенант больше не отзывался. А 888 остолбенело смотрел на сержанта и все еще хотел последовать за командиром.

– Назад!!! – изо всех сил заорал всем 947. – Лейтенант погиб! Принимаю командование на себя! Всем лечь на землю! Рассредоточиться вокруг вражеского робота! Стрелять не в «тело» – это бесполезно – целиться в «спину» паука, чуть выше его излучателей! Прекратить панику!!! Исполняйте приказ!!!

Люди неохотно подчинялись, а паук заколыхался на своих многочисленных лапах, непрерывно «брызгая» огнем во все стороны и то и дело попадая в расплзающиеся вокруг себя цели.

– Зачем нам туда стрелять?! – прошипел 888, хватая 947 за плечи с явным намерением отбросить преграду от входа в тоннель. – Что толку?!!

– На спине должна быть антенна излучателя силового поля!

– Почему же тогда ее не видно?!! – завопил 888.

– Потому, что здесь ничего не видно, придурок!!! – тон в тон ему проорал 947.

– Ты – умник! А, если антенны там нету?!!

– Если нет – мы все трупы! Все – пути назад не существует – ловушка закрылась!

Заряд полыхнул совсем рядом, осыпав спорщиков осколками гранита. 947 бросился на землю, сбивая с ног и 888-го.

– Стреляй по антенне! – попросил 947. – Приди в себя и стреляй!

Он показал пример – выхватил излучатель и прибавил к светопреставлению всполохи еще одной очереди ядовито-голубых зарядов.

...Секунды растянулись в часы, потому, что каждая из этих секунд могла стать чьей-то самой последней. Десантники выпускали короткие очереди и перекатывались на новую огневую точку, молясь, чтобы выбранная пауком жертва и на этот раз оказалась кем-то другим. А паук наступал. Он перемещался по выбранному для себя небольшому радиусу с такой скоростью, что солдаты не успевали прицелиться в находящуюся где-то над стальным телом невидимую антенну, он стрелял с такой частотой, что его импульсные заряды сливались в светящиеся пунктирные полосы...

– Есть! – наконец крикнул кто-то.

947 поднял голову – наверху появились звезды небесного свода. Паук обрисовался полностью – необычная модель с дымящимся и искрящим излучателем-передатчиком на спине. Теперь тварь показалась тем, кто уцелел, куда меньше размером, да и безобиднее... Но второе – только показалось.

947 перевернулся на спину, крича своему компьютеру:

– Связь! Давай связь!

– Ракетносец? – с вопросительной интонацией сообщил голос.

– Отряд «Гамма 57»! Обнаружен противопехотный робот! Ведем бой! Просим поддерживать огнем!

Еще несколько бесконечно долгих мгновений. Еще две потерянные жизни. И – небо озаирил молниеносно рванувшийся вниз луч. Затем – слепящий свет и разлетающаяся от центра арены боя, сбивающая с ног и раскидывающая лежащих на земле десантников волна воздуха с искореженными кусками металла, песком и осколками гранитных глыб...

– Скажите, 947, – обдавая сержанта холодом своего взгляда, поинтересовался майор. (Офицер называл себя не иначе, чем «7773», чтобы даже в краткой форме своего имени подчеркнуть наличие трех подряд идущих семерок.) – От кого исходило решение назначить вас командиром роты?

– В сложившейся ситуации, сэр, я сам принял командование! – сержант стоял навтыжку в личной рабочей каюте командира батальона и смотрел в произвольно выбранную точку на одноцветном голубом потолке.

– Вот как? А что сказал логистик ваших «лат повышенной защиты»?

– У меня не было времени, сэр, чтобы дождаться выводов компьютера.

– Хотите сказать, сержант, что конфедерация тратит колоссальные средства на разработку мыслительных органов, которые соображают медленнее вас?!

– Никак нет, сэр!

Майор подтвердил кивком головы:

– Вот именно, потому, что они соображают быстрее. Но вы не хуже меня знаете, что выбор логистика пал бы на 888-го.

Сержант почувствовал на языке горечь обиды, но сдержал эмоции и четко объяснил:

– 888 – сержант, как и я, сэр. У меня больше боевого опыта. Кроме того, я неоднократно проходил курсы повышения квалификации, на отлично сдал экзамен и подал прошение о зачислении в школу младшего офицерского состава. При прочих равных условиях, образование...

– Нет никаких «прочих равных»! – майор повысил голос. – Три восьмерки – это не 947! Если для вас, 947, не очевидно простейшее математическое неравенство, про какое «образование» вы мне тут рассказываете?!

– Сэр, но это же только имя...

– Прекратите, сержант! Мы оба знаем, что номера в Эмбриональных Центрах не распределяются случайным образом. Удачное сочетание цифр в личном коде говорит о превосходящем генетическом потенциале... В данном конкретном случае ваше решение принесло положительные результаты, но в дальнейшем попрошу не самовольничать! Вам все ясно, сержант?!

– Так точно, сэр! А мое прошение?

– О зачислении в школу? – майор подошел ближе, заглянул сержанту в лицо и ледяным голосом объяснил: – Вы не будете командиром роты, 947! Уверю вас – не будете! – выдержав паузу, майор вернулся к своему столу, сменил интонацию на более дружелюбную и добавил: – Тем более, что от вашей роты ничего не осталось. Вы, 888 да пятеро рядовых. Остальные тяжело ранены или мертвы. Семь человек от девяноста трех солдат и одного офицера...

– Да, вот еще, чуть не забыл! – словно и в самом деле только что вспомнив, майор взял со стола пластиковый планшет и поднял глаза на сержанта. – 947, вам вынесена благодарность. За проявленные храбрость и благоразумие, выдержку и ум, вы награждаетесь сертификатом на семьдесят Ер. Кроме того, ракетносец «Эдвайрс Готт» отходит на плановое тестирование в техническую зону Рангула – отправляйтесь отдохните на «твердой поверхности». Вам и шести вашим товарищам предоставляется виза на посещение планеты сроком до трех суток.

– Спасибо, сэр!

– Не благодарите, – майор поморщился. – Это не мое решение. – 7773 потряс пластиковым планшетом. – Приказ подписан командиром корабля полковником Аль Ридом. Вкратце: по мнению полковника, гибель роты нужно признать ненапрасной, а ваша личная находчивость, сержант, лишила противника перспектив в использовании нового оружия поражения – ранее, чем нововведение успело себя окупить. Противник понес материальный урон, потратил ресурсы и время на разработку оборудования, принцип действия которого раскрылся при первом же испытании... Ну и... так далее, тому подобное, – майор протянул планшет сержанту. – Прочтете сами по пути на Рангул... 947! Вы можете идти!

Глава 2

Планета Рангул относилась к мирам типа «ЛЭН-4». То есть: населенная людьми, отслеживающая экологический баланс (отвечающая международным нормам для сред комфортного обитания человека), нейтральная и поддерживающая нейтралитет, без политических претензий и собственного правительства, и не обладающая голосом в Совете Конфедерации... Самый заурядный, распространенный, не обещающий чудес тип.

Но посещение даже такой мирной планеты для семерых десантников могло сравниться с парадом объединенной группы войск – событие, к которому готовишься неделями, а вспоминаешь затем годами – из семи человек, сошедших в космопорте Рангула из челнока с эмблемой «Эдвайрса Готта», двое никогда не видели праздной круговерти гражданского мира, а пятеро видели, но так давно, что успели подзабыть, происходило ли это на самом деле.

Люди вокруг были безоружными, включая служащих космопорта, таможенников и полицейских. Последние носили легкие скафандры с прозрачными шлемами и пользовались дубинками-шокерами. Разумеется, прибывшим тоже пришлось оставить свои излучатели на складе ракетноносца, а боевые латы сменить на парадные мундиры с белым верхом и синим низом – форма одежды, так редко используемая бойцами Ростера, что им самим она показалась вычурной и чрезмерно щеголеватой. Как вскоре выяснилось, окружающие не уделили сверкающим эмблемам на рукавах десантников должного внимания – сюда прибывали корабли самой разной государственной принадлежности – едва ли какая-то форма одежды могла быть воспринята рангульцами, как диковинка.

В целях экологической безопасности, транспорт Рангула не делился на воздушный и наземный – машинам разрешалось двигаться в однонаправленном потоке исключительно внутри прозрачных полимерных труб, обеспечиваемых системой очистки циркулирующего воздуха и проходящих на различной высоте над городскими кварталами. Трубы-тоннели соединялись: с этажами жилых гигантов-небоскребов с помощью опоясывающих здания серпантинных; между собой – полосами для разгона и торможения, местами для разворотов и парковочными блоками; с землей – с помощью тоже прозрачных, но вертикальных лифтовых шахт.

Земная же твердь отводилась только для пешеходов. Загроможденная небоскребами, салонами, дворцами и памятниками, она расчерчивалась пешеходными тротуарами и бегущими дорожками, а большей своей площадью утопала в зелени лиственных деревьев, ухоженных цветников и лужаек для прогулок и отдыха...

Очувтившись в порту, десантники сели в первый попавшийся общественный транспорт и сошли с него в произвольный момент времени – когда панорама под трубой тоннеля показалась им наиболее привлекательной.

Лифт спустил мужчин на оживленный проспект деловой части большого города.

– Прогуляемся? – то ли спросил, то ли предложил 888.

947 пожал плечами:

– У нас трое суток.

Подавив в себе первые растерянность и скованность, они взялись бродить по паркам, наслаждаясь царящим там умиротворением и спокойствием; по салонам, восхищаясь выставленными для обозрения и продажи новинками технического прогресса, бытовыми приборами и домашней утварью; по галереям дворца естествознания, поражаясь разнообразием демонстрируемых там животных, растительных и гибридных форм жизни, собранных из разных точек галактики.

Сначала их очень нервировала разношерстая толпа – люди сновали во все стороны с отрешенными глазами и целеустремленными физиономиями. Одежда разных кроев, разных цве-

тов, дорогая и дешевая мелькала перед глазами привыкших к однообразной строгой армейской форме десантников, вызывая у ребят чувство головокружения и потери ориентации. Руки солдат то и дело тянулись отдать честь – отработанный до автоматизма рефлекс срабатывал на знакомые цвета и строгие линии в костюмах служащих или полицейских. Постепенно они все же учились вести себя, как окружающие – ни на кого не обращать внимания, думать о своем, смотреть сквозь толпу. Тем более, что группа из семи одинаково одетых мужчин сама вызывала уважение пешеходов – большинство из них предпочитало посторониться и уступить дорогу – механически и не выходя из погружения в собственные мысли.

Повсюду ребят преследовала яркая, красочная и очень убедительная реклама. Ее навязчивость поражала – стоило лишь задуматься о приобретении того или иного увиденного или даже извлеченного из памяти предмета, как перед глазами оживала голографическая панорама, в которой описывались все возможные плюсы и минусы совершения «запланированной» покупки.

На самом деле, ни 947, ни его товарищи не могли ничего запланировать.

Может быть, большим, чем прочие, стал для них соблазн покупки комфортабельного летательного аппарата – этой тематике посвящался самый огромный из попавшихся на пути солдат выставочных центров. Машины очаровали мужчин и блеском полированных боков, и плавностью линий, и «стремительным» «спортивным» дизайном, и уютом и роскошью напичканных всем, чем только возможно, салонов, и свободой, которой, как утверждали люди из рекламы, обещали щедро одарить своих будущих владельцев. Тем более, что оживление и буйство красок мира «прозрачных труб» и в самом деле будило у молодых людей чувство легкой зависти и нереализованного мальчишеского азарта, а 947, с учетом последних семидесяти Ер, скопил сумму, вполне позволяющую ему выбрать и приобрести что-то среднее между «дешевым» и «достойным» личным транспортом.

Только в покупках не было никакого смысла. В армии не поощрялось обречение имуществом, тем более – таким крупным и специфическим, как воздушные катера Рангула. Для человека, жизнь которого могла оборваться уже завтра или через день-другой, имущество и семья считались ненужной и глупой обузой, только мешающей трезво посмотреть в глаза судьбе и безоглядно повиноваться решению командования и старших по званию. 947 мог купить летательный аппарат, но через три дня машину пришлось бы бросить – едва ли стоило ради этого обнулять с таким трудом пополняемый расчетный счет...

Время пролетело незаметно. Светило Рангула пересекло небесный свод и сменило палитру со светло-желтой на красно-оранжевую. Город преобразался – к багряным заревам на стенах небоскребов присоединился калейдоскоп наружного освещения тротуаров.

Внимание мужчин привлекло отдельно стоящее здание – клуб или стриптиз-бар. Судя по рекламе, поход в этот центр развлечений обещал прекрасное завершение эмоционально насыщенному дню – сытный ужин, хорошую музыку, отдых и наслаждение для души и тела на любой вкус и для любой фантазии.

– Армия Ростера? – охранник окинул их недоверчивым взглядом. – Рядовые? У вас деньги-то есть?

– Еры, – ответил 947.

Вооруженный шокером двухметровый богатырь как-то нехотя отступил:

– Пойдет, проходите.

Дальше гостями занялась женщина – молодая, в обтягивающем, подчеркивающим изящность фигуры платье. Парализованные блеском в ее глазах, десантники едва уловили смысл заданного вопроса:

– Вас разместить вместе?

– Конечно, – очнулся 888.

– Есть маленькая проблема, – вежливо улыбнулась официантка. – Сегодня в порт вошло сразу пять космических кораблей – ресторан переполнен. Есть два столика на четверых на втором и четвертом ярусе, столик на двоих на первом и ложа на десять персон на девятом.

– Ну вот! Почему нам не расположиться в ложе? – спросил 888.

Девушка снисходительно исследовала глазами форму сержанта:

– Это будет дорого. Семьсот ливринов за сам стол, плюс стоимость заказа, увеличенная на двадцать процентов...

– А в Ерах? – перебил 947.

– Тридцать Ер.

Ребята посмотрели на сержанта. «Один раз живем» – подумал 947. – «Возможно, это первый и последний раз в моей жизни – почему бы и не попробовать?»

– Нас устраивает.

Официантка присела в реверансе, сразу став как-то приветливее и потеплев взглядом:

– Пройдите в лифт.

Уставленная огромными кожаными диванами со стеклянными стенами комната лифта устремилась вверх, позволяя в движении осмотреть все ярусы ресторана. Резные столики, диваны и кресла, барные стойки, цветы и зелень, красные от еды и напитков лица, музыка и шум разговоров – ничего такого, что могло бы поразить воображение. Единственная необычная деталь – стеклянные трубы, пронизывающие ярусы ресторана подобно лифтовой шахте, в которой поднимались наверх десантники – в этих трубах вверх-вниз медленно перемещались площадки, а на площадках танцевали под музыку полуобнаженные молодые девчонки...

Верхний девятый ярус был самым зеленым, уставленным самой лучшей мебелью, украшался несколькими фонтанами и размещал всего три больших стола, полукругом опоясанных огромными мягкими ложами. В двух из трех лож уже возлежали какие-то богато одетые люди, а на третьей официантки как раз поправляли шитые золотом подушки из зеленого бархата.

Десантников, проходящих мимо уже занятых лож, провожали удивленными и насмешливыми взглядами.

– Что прикажете? – поинтересовалась официантка, когда семеро солдат кое-как разместились на непривычно мягких для них лежаках.

– Пока только меню, – за всех ответил 947.

Над столом возникло голографическое панно с изображением блюд и напитков, а женщина исчезла.

– Ну, что скажете? – 888 оглядел попритихших товарищей.

– Мне здесь не нравится! – честно признался 947. – Как-то не по себе...

– Хочешь уйти? – усмехнулся 888. – Наш бесстрашный сержант струсил на поле битвы с едой?

– Вы видели этих людей? – присоединился совсем молодой рядовой 116. – Как минимум именитые.

– Что значит: «как минимум»? – уточнил 888.

– Мне показалось, – 116 неуверенно понизил голос и огляделся, словно хотел сообщить нечто крамольное или сногшибательное. – Я видел нимб!

– У страха глаза велики! – «перевел» всем 888.

– Нет, – с мрачным видом подтвердил 947. – Я тоже видел. За соседним столиком. Компания из двенадцати человек. Четыре женщины, восемь мужчин. Из мужчин шестеро – зловещие лбы – телохранители или что-то в этом роде. Не уверен, но под пиджаками у них что-то топорщилось.

– Оружие? – понял 888. – Невозможно. Здесь это запрещено.

– Для нас – запрещено, – пробормотал 947. – Для них – кто его знает?.. Так вот: шесть бугаев и два именитых. Один – толстый, все время подобострастно улыбается. Другой – молодой, худой и бледный, но над головой – нимб.

– Ну откуда здесь взяться Эльтару? – рассмеялся 888. – Тебе тоже привиделось.

– Не привиделось. Перед ним заискивали, как перед императором...

– А я заметил другое, – вмешался 104. – Здесь все пьют горячительные напитки!

Ребята переглянулись. Устав категорически запрещал, но в увольнении, да и на гражданке...

– Уверен? – прежде, чем обрадоваться, 888 хотел знать наверняка.

– Абсолютно. – 104 заговорщически наклонился над столом. – Я слышал как один...

– Вот меню! – удивляясь их непредусмотрительности, перебил 947. – Зачем гадать – просто смотрите!

Интересующий список обнаружился сразу же. Водка, джин, вино – из старинных рецептов; глюнор, лербет – из современных...

– Я за, а ты как? – сразу повеселев, подмигнул 888.

947 поморщился. Неприятное предчувствие подсказывало, что не стоит терять контроль над ситуацией. Он был против.

– За товарищей! – серьезно предложил 437.

– Согласен, – сразу посуровев, присоединился 888.

– Принимаю, – вздохнул 947.

Остальные уважительно закивали – редкий случай в солдатской жизни, когда появлялась возможность по-настоящему помянуть менее удачливых товарищей.

Водка, фужеры и соки появились так быстро, что ребята даже не успели понять, когда и как голограмма из меню успела материализоваться в виде вполне реальных хрустальных графинов.

Они едва успели налить по первой, когда перед столом появилась официантка.

– Господа солдаты, – почему-то шепотом обратилась к ним женщина. – За соседним столиком – господин Род Лан Меттори – Эльтар. Он желает пригласить одного из вас в свою компанию.

– Кого? – поперхнулся соком 104.

– Зачем? – так и не принимавший до этого момента всерьез слова друзей, нахмурился 888.

– У господина есть к вам вопросы, – так же шепотом объяснила официантка.

– Скажите господину, – за всех отрезал почему-то рассердившийся 947. – Мы ценим оказанную нам честь, но не можем принять его приглашения!

Официантка удалилась с такой гримасой на лице, словно увидела невероятных идиотов.

– Где ты научился таким манерам? – уважительно поинтересовался 104.

– Забыли! – приказал 947. Он поднял бокал, встал и собрался с мыслями: – Пусть горечь этого напитка сольется с горечью утраты, разливающейся сейчас в наших сердцах и душах, и пусть эйфория и опьянение последуют за его горьким привкусом, как вечная райская жизнь последует за смертным одром наших товарищей!

– Отлично! – тихо одобрил тост 888.

Выпили стоя, залпом и с минуту стояли, склонив головы и заставляя себя почувствовать как можно больше горького привкуса на рецепторах обжигаемого алкоголем языка.

– Опять, – показал глазами 609 – теперь к ним приближались трое – официантка со странной формы кувшином, здоровенный детина в строгом костюме и полуголая танцовщица.

Официантка натянуто улыбнулась:

– Вам подарок от господина. Он надеется все же завоевать ваше расположение, и все еще ждет любого желающего к себе за стол для товарищеской дискуссии.

Официантка поставила на стол кувшин – судя по тому, как аккуратно она это сделала – наполненный весьма недешевой жидкостью. Дитина же посадил прямо на стол танцовщицу, которая тут же взялась совершать эротические телодвижения.

– Что это значит?! – все семеро солдат подорвались одновременно, не сговариваясь придя к выводу, что их так нагло развешанное скорбное настроение – плевок душам вспоминаемых сейчас павших героев.

947 снял со стола девушку, 888 вернул официантке кувшин.

– Ничего этого нам не надо! – едва сдерживая негодование, объяснил 947, глядя прямо в ничего не выражающие глаза телохранителя. – Мы не вмешиваемся в дела соседних столиков, и хотим, чтобы и нас оставили в покое! Надеюсь, это понятно?!

Тройка удалилась. И почти сразу же уединение десантников нарушила вся компания «венценосного» соседа – шесть здоровяков, четыре женщины, толстяк и бледный молодой человек с резкими чертами лица и бегающими маленькими глазами. И над головой последнего действительно едва заметно мерцал голубоватый энергетический обруч-нимб.

– Вы ведь опознали мой статус, господа, не так ли! – недовольно спросил юноша, взирая на них с надменностью штабного генерала. – Надеюсь, знаете, что отказываться от даров Эльтара, значит нанести высокородному глубокое личное оскорбление?!

– Прервать траурный тост солдата еще большая непристойность! – осмелился объяснить 947.

Молодой Эльтар удивленно повел бровью:

– Вот как? И кто бы мог подумать...

Он кивнул одному из своих телохранителей.

947 автоматически отклонился, осознавая, что здоровенный кулачище дитины прошел под самым-самым его подбородком. Не задумываясь о последствиях, сержант выполнил отработанную до мастерства «короткую» защиту – в два раза превышающий 947-го размерами, бугай с грохотом рухнул на стол, проламывая его и утягивая за собой на пол посуду и своего товарища, за рукав которого успел ухватиться в момент падения...

Семь оставшихся в живых после «знакомства» с пауком десантников не даром были остатками «ударной группы» – сорвавшись, как по команде, солдаты свалили и обездвижили телохранителей Рода Лана быстрее, чем те извлекли из-под своих пиджаков пистолеты с парализующими пулями. Но сам «венценосный» не остался в стороне от драки – неожиданно для десантников, худенький болезненный юноша раскинул руки и швырнул в ребят волну энергии, которая посбивала их с ног, словно невесомых песчинок. Не пострадал только 947 – на свою удачу он оказался в эту секунду чуть позади Эльтара и не попал под удар его воли. Воспользовавшись временным преимуществом сержант сделал рывок вперед и вцепился в кадык «венценосного», не сомневаясь, что попав в захват, тот признает себя побежденным.

Род Лан захрипел, задыхаясь, но в его глазах не возникло и тени страха – только разрастающаяся, наливающая белки кровью, ярость. 947 увидел только, как едва заметный до этого момента нимб над головой противника наливается светом и раскаляется обжигающим жаром...

– Стой! – умоляюще запищал вдруг толстый вельможа из компании «венценосного», хватая своего кумира за рукав дорогого камзола. – Ты не можешь с ним драться! Если дойдет до Ланкоруса, тебя опять отстранят!..

– Ты прав! – Род Лан отбросил 947-го. Он сделал это то ли рукой, то ли силой своего взгляда, но так, словно солдат вообще не обладал массой, а его смертельный захват оказался не крепче объятий грудного младенца. – Пусть 7003 застрелит этого недоумка!

Один из телохранителей вельможи потянулся под пиджак за оружием. Солдаты 947-го и люди Рода Лана в это время поднимались на ноги, а со всех сторон по полу яруса бежали

вооруженные шокерами охранники заведения и полицейские в скафандрах и прозрачных шлемах.

– Нельзя! – поспешил пропищать толстяк. – Закон Рангула гарантирует безопасность и безмянним!

7003 чуть замешкался, заметив сомнения на лице «венценосного». Набежавшая же служба безопасности не сразу определилась, кого хватать, но затем, конечно же, остановила выбор на простых рядовых солдатах Ростера.

– Не нужно шума! – продолжил скулить толстяк, обращаясь к Роду Лану.

– Да, – пробормотал «венценосный». – Ланкорус, Ланкорус... – он повелительным тоном обратился к работникам клуба: – Отпустите всех и пошли вон! Мы так развлекаемся... Видите: жертв нет, увечий тоже. Я не в претензии...

Постепенно порядок восстанавливался. Солдаты заправляли форму, телохранители масировали вывихнутые десантниками руки, работники клуба принесли новый стол и убрали битую посуду.

– Ты до меня дотронулся! – окатив растерянного сержанта ледяной колкостью своего взгляда, напомнил 947-му Род Лан. – И я не могу тебя убить, чтобы не уронить собственного достоинства. Что будем делать?

– В каком смысле? – не понял 947.

– Моя честь запачкана, безмянним. Твои предложения?

– Мои? – удивился сержант. – У меня нет предложений.

– Зря. Это в твоих интересах... – «венценосный» на мгновение задумался.

– Ладно, – сказал он после паузы. – Отложим до лучших времен и попробуем вернуть мне хорошее настроение...

Наглый юноша бесцеремонно подсел за стол к только начинающим занимать свои места десантникам и махнул официантке, выражая жестом недоумение ее нерадивостью. Солдаты в молчаливом ошеломлении наблюдали, как стол заполняется все новыми и новыми яствами...

В итоге, они сидели вместе: семь десантников, представитель высшей цивилизации и его толстый «советник». Телохранители стояли на некотором расстоянии, женщины танцевали. Понимая, в какой щекотливой ситуации они оказались, солдаты хранили молчание и для приличия немного угощались из чрезмерного разнообразия заваливших стол яств и напитков. Род Лан погрузился в себя и сидел, царственно выпрямив спину, высоко задрав подбородок, и то ли что-то слушал из невидимых источников информации, то ли над чем-то размышлял. И лишь добродушный толстяк позабыл о сути инцидента, пил, ел, веселился и подмигивал танцующим вокруг стола стриптизершам...

В какой-то момент Род Лан очнулся.

– Вы же участвовали в лотерее? – неожиданно спросил «венценосный».

– В какой лотерее? – чтобы не оскорблять ранимого вельможу молчанием, отозвался меньше всего расположенный общаться и сильно расстроенный испорченным вечером 947.

– В «Общегалактической Лотерее Крови». Слышал о такой?

– Слышал. – 947 пожал плечами, давая понять, что подобные глупости не для серьезных людей.

– Но не участвовал? – подхватил Род Лан.

Не понимая, почему так оживился «венценосный», 947 посмотрел удивленно.

– Пойдем! – Род Лан поднялся и потянул за собой недоумевающего сержанта. – Все оставайтесь здесь! Мы скоро вернемся... – он усадил на прежнее место потянувшегося следом толстяка. – Не беспокойся, я никого не трону! Все уже в порядке... Сиди!

Прошагав по тротуару целый квартал, 947 решил наконец расставить точки над «и».

– Куда мы идем?!

«Венценосный» посмотрел на него внимательным пронизывающим взглядом, словно хотел вытащить на поверхность самую суть неудачливого сержанта.

– Мы уже близко.

– Близко к чему?

– К Дворцу Игрищ.

– Зачем?

– Хочу, чтобы ты поучаствовал в Лотерее Крови.

– Зачем?

– Честно сказать? – Род Лан остановился и посмотрел так, что у 947-го побежали по коже мурашки. – Хочу все же тебя убить.

– Н...не понял? – пробормотал сержант.

– Если тебе повезет, я тебя убью. Не понимаешь? Если тебе повезет, ты станешь именитым. Если ты станешь именитым, я смогу вызвать тебя на поединок чести и проучить за сегодняшнюю выходку.

– А если не стану именитым?

Род Лан пожал плечами:

– Тогда разойдемся так. Ты мне ничего не должен, я тебе.

– Но лотерея стоит денег...

– Я заплачу. Идет?

947 неуверенно кивнул. По правде говоря, ему ничего не грозило – вероятность победить в Лотерее Крови считалась неслыханно малой. Побеждали, по слухам, один из миллиона, а то и из миллиарда.

Принцип «лотереи» был следующим. Безымянные участники платили деньги и сдавали кровь, чтобы определить своих разбросанных по всему космосу генетических предков. Появившиеся на свет в Эмбриональных Центрах под контролем и с подачи «Единой Программы Рождаемости», триллионы жителей галактики ничего не знали о своих родителях, предоставивших в свое время банкам Центров семена и гены – существовала вероятность, что один или оба генетических предка могли оказаться именитыми или даже знатными. В этом-то и заключался выигрыш: обнаруживший благородные корни победитель получал право и возможность изменить свою жизнь и перебраться из самых нижних слоев общества в самые и самые высокие. Более того, он становился именитым: приобретал словесные имя и фамилию... Несбыточная мечта, за которую к тому же приходилось платить немалые деньги.

«Почему бы не удовлетворить прихоть этого знатного бледного безумца», – думал 947. – «Сдам кровь и расстанемся по-хорошему. Позабудем, что когда-то встречались. Жизнь разведет нас в разные стороны – меня – барахтаться в чужом дерьме, его – изнывать от безделья где-нибудь на вершинах человеческого Олимпа...»

Во Дворце Игрищ все сверкало, переливалось, слепило глаза и притягивало искусственно распространяемым мускусом азарта и адреналина к игровым столам и автоматам; к спортивным стендам, площадкам и бассейнам; к тренажерам, имитаторам и испытательным комплексам... Ходили слухи, что в таких местах зарабатывались целые капиталы – 947 и сам мечтал когда-то побывать во Дворце Игрищ в каком-либо из мирных миров... но, конечно, не так и не при таких обстоятельствах.

Зал Лотереи светился самой солидной рекламной вывеской – людям внушалось, что Лотерея Крови – не просто игра, а обязательный серьезный ритуал, совершение которого – гражданский долг каждого сознательного индивида обитаемого космоса. Сержанту улыбнулись две симпатичные брюнетки, его усадили в огромное светящееся кресло, сделали довольно болезненную пункцию и, наконец, вручили пластиковую карточку с заверением, что по истечению десятидневного срока в любом центре распространения Лотереи можно будет ознако-

миться со своими результатами, и, вполне вероятно, даже получить долгожданный и вожденный выигрыш...

Глава 3

947 увидел, что его ноги взлетают выше головы, затем на какое-то мгновение почувствовал состояние невесомости, а после тяжело рухнул на пружинящий пол ринга. 535 тут же надавил коленом на его грудную клетку – еще бы мгновение несобранности, и поединок был бы проигран – опытный боец намеревался применить болевой захват. Опомившись, сержант успел повернуться на бок, сбросил колено противника, ударил того в спину и вскочил на ноги.

Вновь они оказались друг против друга. Удар ногой – блок, удар рукой – блок. Серия взаимных ударов, прыжки, уходы. Разошлись, выжидая и подгадывая момент для броска...

Если бы только ему удалось победить на внутреннем чемпионате! Победа прибавила бы несколько баллов для поступления в школу младшего офицерского состава, а, что еще важнее – продлила бы срок отпуска на одну-две декады – дополнительное время на подготовку к тестированию.

К сожалению, судьба издевалась над сержантом – по результатам жеребьевки он уже на отборочном туре встретился с чемпионом прошлого сезона. Конечно, победа над 535 означала бы беспрепятственный путь к самому финалу, но как тут победишь, если твой противник – спортсмен, круглый год не выбирающийся из тренажерного зала? У него здоровый, отлаженный организм – никаких боевых операций, никакого переутомления, недоедания, ранений, нервных стрессов... Тренировки регулярные, спаринг-партнеры – мастера боевых искусств...

«С такими мыслями ты не продержишься!» – остановил себя 947. – «Чего раскис раньше времени?! Задача-то упрощается – один бой и – пан или пропал!»

Удар – блок, удар – блок, удар – блок. Сержант понимал, что превосходит свои лучшие результаты, но не поддавался иллюзиям – отставание по очкам постоянно увеличивалось. Прыжок, серия ударов ногами – увлекся и едва ушел от нового захвата...

В самый разгар поединка, среди зрителей и судей появилось новое лицо – лейтенант летного состава в облагораживающем строгого покроя черном мундире и фуражке с золоченой кокардой. Этот человек протиснулся к самым ограждениям.

– Сержант, – не задумываясь, что может помешать бою, громко выкрикнул подошедший. – Вам приказано немедленно явиться к капитану корабля!

– Сейчас, сэр! – 947 попытался переварить услышанное, не отвлекаясь при этом и от поединка. Капитан корабля? Ему – к капитану?! Совершенно невозможно. Но слово «корабля» могло и послышаться...

Лишившись сосредоточенности, сержант тут же получил несколько ударов кулаками – один по челюсти, два по корпусу.

– Сэр, – задыхаясь, увертываясь от новых ударов, бросил 947. – Позвольте... закончить... поединок...

На лице лейтенанта выступили красные пятна.

– Ты, что, солдат, одурел?! – во все горло заорал офицер. – Немедленно к полковнику!!!

От неожиданного крика все замерли: и дерущиеся, и рефери, и поддерживающие выступающих свистом и активной жестикуляцией болельщики. 535 повел плечом, как бы говоря: «сам видишь, надо идти».

– Переодеться-то мне можно? – уже перепрыгивая через ограждения, спросил 947.

– Не можно, а нужно. Одна минута!

Полковник находился на капитанском мостике – часть корабля, на которой до этого не бывал ни один солдат-пехотинец. «Мостик» представлял собой платформу с креслами и узкой приборной панелью, расположенную в центре сферического помещения, на стены которого выводился круговой обзор космического пространства, передаваемый с многочисленных

камер на носу, в хвосте, сверху и снизу ракетноносца – так, что находящийся на мостике человек чувствовал себя выброшенным наружу, единственным живым существом на многие световые годы – как, должно быть, чувствовал себя сам корабль, если бы к стальному великану были применимы человеческие ощущения.

Старший офицер корабля сидел в высоком жестком капитанском кресле, при приглушенном освещении, совершенно один и в глубокой задумчивости, делающей его и без того благородное, обрамленное седыми волосами, волевое лицо, лучащимся чистотой и мудростью. Годы безукоризненной службы этого человека привели к тому, что Аль Рида уважали и любили все – даже те, кто никогда его не видел, и знал о своем командире лишь в скользя и понаслышке. И причиной тому была не только приятная, располагающая к себе внешность...

947 почувствовал робость – лейтенант провел его прямо на капитанский мостик и оставил перед креслом с погруженным в себя полковником. Еще по пути сюда, сержант перебрал в голове все возможные и невозможные комбинации – причин, по которой именитый капитан корабля пожелал лицезреть простого, ничем не выдающегося безымянного десантника, не было, да и просто не могло существовать...

– Присаживайтесь! – тихо сказал полковник.

– Сэр? – 947 подумал, что ослышался – сидеть в присутствии старшего офицера!

Капитан открыл глаза и посмотрел на десантника. Теперь 947 понял, почему в частях говорили, что Аль Рид не допускает ошибок – глаза старшего офицера сказали сержанту о недюжинном уме и уже преклонном возрасте их обладателя.

– Присаживайтесь, 947! – спокойно повторил полковник.

Не понимая, что происходит, сержант присел на соседнее кресло – перед какими-то сенсорными панелями, сразу приобретшими яркость, подвижность и цветовую насыщенность.

– Не дотрагивайтесь до них, и они вас не тронут, – мягко улыбнулся полковник, заметив, как вздрогнул от «оцепившей» его аппаратуры 947.

– Сэр?

– Не догадываетесь, зачем вы здесь? – скорее понимающе, чем спрашивая, сказал Аль Рид.

– Никак нет, сэр!

– Говорите тише, прошу вас, сержант. И не надо этого... «сэр» – у нас с вами неформальная обстановка. Я хочу поговорить не как полковник со своим сержантом, а как человек с человеком, – капитан сделал паузу, поедая десантника вопрошающим взглядом. – Ладно, не буду больше испытывать ваше терпение – причина, по которой я вас вызвал – вот это предписание.

Полковник протянул сержанту полимерный листок. Еще не прочитав ни единого слова, 947 обратил внимание на необычное для армейской почты число гербов и защитных знаков.

– Здесь сказано, – полковник посмотрел на солдата так внимательно, словно по реакции на свои слова собирался прийти к очень важному для себя заключению. – Что вы, 947 – победитель Общегалактической Лотереи Крови...

– Что?!.. – от неожиданности сержант даже позабыл прибавить «сэр», хотя твердо решил, что лучше ему отклонить предложенную «неформальность», не рисковать и не выходить за рамки уставных отношений.

– Хотите сказать, что не сдавали кровь на анализ? – нахмурился офицер.

– Сдавал, сэр, – покрываясь потом, 947 начал вспоминать события на Рангуле. – Но прошло две недели, сэр, я уже думал...

– Почему лотерея? Сомневались в благородстве происхождения? Ожидали от жизни большего?

– Никак нет, сэр. Я хотел...

– Не нужно оправдываться, юноша. Вы же не проиграли, а победили! Следовательно – не зря сомневались. Ваше место среди именитых. И очень скоро я смогу пожать вашу руку, как равный жмет руку равному.

947 посмотрел затравленно, не понимая, шутит полковник или говорит серьезно, но склоняясь к мысли, что, конечно же, шутит. Возможно, на корабль просочились слухи об инциденте с молодым Эльтаром, возможно, весь этот разговор – проверка, за которой следует весьма суровое наказание. Солдат ведь не должен стараться перескочить через голову своих командиров. Офицерское звание и, тем более, имя нужно заслужить потом и кровью, а не возжелать на тарелочке с голубой каемочкой...

– Вы ведь мечтали о военной карьере? – полковник делал ударение на слове «военной». – Подавали прошение о приеме в школу младшего офицерского состава..? Нет? Впрочем, никто ведь не осудит, если решите и вовсе оставить службу – это теперь ваше право, да и личное дело...

– Сэр! – очнулся 947, протягивая информационный листок обратно. – Поверьте: здесь какая-то ошибка...

– Ошибки нету, сержант. А документ оставьте себе – он предназначался для вас и вам передан. В нем, в частности, предписывается прибыть к Кольцу Литиса по заданным координатам, где уже будет ожидать корабль, способный доставить вас непосредственно к месту получения выигрыша.

В голове 947-го все окончательно перепуталось. Меньше всего он хотел бы лететь бог знает куда, к какому-то там «кольцу», за невесть каким призом... Но... приказ есть приказ!

– Слушаюсь, сэр! – сержант поднялся на ноги. – Прикажете отбыть немедленно?

Полковник изумленно поднял брови.

– Вы хотите лететь туда сами? – он широко улыбнулся наивности десантника. – У нас на базе нет катеров, способных преодолеть подобное расстояние!

Прежде, чем 947 успел признаться, что не понимает, что ему тогда делать, Аль Рид, объяснил:

– Мы отправимся туда вместе.

– Сэр?!

– Я лично доставлю вас по месту подписания.

947 потрясенно открыл рот. Задействовать целый ракетоносец для перевозки одного человека...

– Сэр, это же невозможно, – сержант твердо посмотрел в глаза полковнику. – Наши солдаты на Клероне ждут смены. Если у меня есть выбор, я не могу допустить, чтобы из-за одного меня...

– Благородно, но глупо, – то ли одобрительно, то ли давая понять, что другого заявления он и не ожидал, кивнул Аль Рид. – Во-первых: разумеется, у вас НЕТ выбора. Во-вторых: не думаете же вы, что решение об изменении курса боевого корабля принято мною из-за личной симпатии к бойцу, которого я вижу сейчас первый раз в жизни? Нет, 947! Я, как и вы, получил соответствующее распоряжение и намерен его исполнить! И не берите на себя больше ответственности, чем вам захотят ее выделить: если командование считает, что доставка сержанта с личным номером 947 к Кольцу Литиса важнее, чем присутствие моего корабля на орбите Клерона, значит тому есть веские основания – политические, экономические или стратегические – это не касается ни меня ни вас – мы оба будем попросту и беспрекословно исполнять приказы нашего руководства! Понимаете меня, сержант?

Десантник вытянулся – судя по тону старика, фамильярностям с его стороны приходил конец.

– Так точно, сэр!

– Надеюсь, что это так, – закивал полковник. – Маршрут «Эдвайрс Готта» уже изменен. Ориентировочное время прибытия в пункт назначения – через пять стандартных суток. Сейчас и до встречи с посланцами Высших вы можете быть свободны, – старик посмотрел на десантника с прежними интересом и теплотой во взгляде. – Только одна маленькая просьба, сержант: если общество бывшего командира не станет вас тяготить, я бы хотел познакомиться с вами поближе – не каждый ведь день мои солдаты пополняют круги высшего света. Мне бы хотелось узнать, что вы за человек, сержант. Скажу больше – мы можем быть друг другу интересны – я вам не меньше, чем вы мне. Поэтому не обижайтесь, что попрошу провести эти пять суток здесь и со мной, а не в своей роте, с друзьями, с которыми вы наверняка предпочли попрощаться бы как можно любезнее. Это не приказ, 947, привыкайте – теперь это всего лишь просьба.

– Кольцо Литиса, сэр! – доложили на мостик полковнику.

947 огляделся. Он не имел никакого представления, почему это место называли «кольцом» – вокруг кресел на капитанском мостике панорама не изменилась и не выделилась ничем особенным – бесконечно далекие звезды на фоне безжизненной абсолютной черноты. Возможно, слово «кольцо» относилось не к географическим особенностям звездной спирали, а к человеческой деятельности – лайнеры дальнего следования часто двигались не по прямой, а по кольцевому маршруту мимо ядра галактики.

– Что теперь? – чувствуя, что начинает нервничать в преддверии надвигающихся перемен, спросил у Аль Рида сержант.

– Теперь ждем, – отозвался старый полковник.

– Мы не дадим о себе знать?

– Они свяжутся сами. Больше мне, как и вам, ничего не известно.

Они ждали около часа. Гости показались с внезапностью, приведшей пилотскую группу «Эдвайрс Готта» в нешуточное потрясение – ни один навигационный прибор, ни один сверхсовременный радар и ни один зонд ракетноносца так и не заметили громадину, тихо подкрадывающуюся к военному лайнеру на расстояние чуть более десяти километров – по космическим меркам – буквально вплотную, катастрофически, невероятно близко. Невидимый и неосязаемый, таинственный призрак неожиданно включил наружное освещение, разлившись на черном фоне открытого космического пространства красно-фиолетового цвета каплей, размеры которой по крайней мере в десять раз превосходили размеры самого «Эдвайрс Готта».

– Нам сказали, что это будет «небольшой пограничный корабль», – тщетно пытаюсь скрыть, что ошеломлен не меньше своих пилотов, пробормотал побледневший от неожиданности полковник. – Если это – всего лишь «небольшой пограничный», какие же тогда у них «большие и наступательные»...

– Невероятно, сэр... – восхищенно глядя на идеально правильный, совершенно гладкий, титанических размеров корпус корабля Эльтаров, поддержал полковника сержант.

В это время гость выбросил мост – развернул целую систему непрозрачных силовых полей-цилиндров, в итоге превратившуюся в трубу-шлюз, соединивший два космических корабля не хуже полимерного телескопического тоннеля, уже много лет стоящего на вооружении самой армии Ростера.

– Эльтары – действительно высшая раса, – расстроенный увиденным, горестно и одновременно восторженно признал полковник. – Мы думаем, что представляем из себя что-то в этой вселенной – наша война, наша вера, наша сила... А для этих людей, мы – ничто. Мы отстали от них на пару-другую тысячелетий. Боюсь, 947, что при возникновении конфликта, один такой корабль сомнет весь флот конфедерации Нибуса...

– Мне собираться? – понял 947.

– Да, сержант. У вас будут ко мне еще вопросы?

– Сэр! Мне не дает покоя мысль: зачем столько шума. Раньше я думал, что награждение победителей лотереи могут произвести где угодно – в любом обитаемом людьми цивилизованном мире.

– Не ломайте себе голову, 947, – посоветовал, отмахиваясь, полковник. – Не все и не всегда подвластно нашему мозгу! Все равно ведь скоро все узнаете из первых рук.

– А у вас даже нету предположений?

Полковник пожал плечами:

– Возможно, все зависит от того, насколько знатными были твои родители... Но вам нечего бояться, сержант. Вы не раз смотрели в глаза смерти, так посмотрите же теперь в глаза и успеху. А, если все окажется не так хорошо, как вам бы хотелось, рассуждайте о своей судьбе так: раз высшее командование выделило для вашей доставки целый ракетный корабль, вполне очевидно, что вы оказываете сейчас конфедерации неопенимую услугу, в суть которой еще не вникли, но какой никогда не смогли бы оказать, даже получив грезившееся вам раньше звание младшего офицера. Ради такого и умереть не страшно, – капитан улыбнулся и протянул сержанту руку. – Рад, что служил рядом с вами, сержант! Желаю удачи!

Если корабль-капля и имел военное назначение, то внутри него ничто не говорило об армейском аскетизме, функциональности или надежности. Как-то так фантазия 947-го рисовала ему палубы экскурсионных лайнеров экстра-класса – дорого, изящно, красиво, престижно, шикарно, удобно и хрупко.

Все коридоры были широкими, ярко освещались, украшались статуями из различных драгоценных материалов, аквариумами, фонтанами или цветниками. Холеные, щеголевато одетые, подчеркнуто вежливые члены экипажа больше напоминали вышколенных лакеев. К сержанту же относились так, словно он был, как минимум, император, и, как минимум, – более одной звездной системы.

– Вот ваши апартаменты, господин, – сказал провожатый, продемонстрировав 947-му «дворцовые покои» в которых могла разместиться хорошая люксовая гостиница иного планетарного мира, после чего начал перечислять: – На время перелета Вам предоставлен неограниченный кредит, поэтому любое ваше пожелание будет удовлетворено в самые кратчайшие сроки и в строгом соответствии с тем, как, когда и в какой форме вы этого захотите. Вы можете выбрать любое блюдо или напиток из миллиона предложенных на ваш выбор или пожелать что-то особенное, что мы постараемся эмитировать, основываясь на вашем подсознательном ощущении вкуса и запаха. Вы можете попросить оказать вам любую медицинскую или профилактическую услугу, известную вам или описанную в «глобальной медицинской справочной библиотеке». Вы можете пожелать общение или консультацию со специалистом в любой области знаний – мы откроем для вас канал связи и оплатим абоненту время, затраченное на дискуссию. Вы можете выбрать существо или несколько существ противоположного или вашего же пола для интимного общения и любовных услуг из предложенного нами каталога или подробно описать свои сокровенные мечты так, чтобы мы смогли изготовить для вас именно того, кого бы вы ждали. Вы...

– Секунду! – ужасаясь последней перспективе и устав слушать, перебил сержант, у которого от избытка увиденного и услышанного итак уже сильно кружилась голова и навязывалось все более нервирующее ощущение потери рассудка. – Вы «изготовите» для меня неживую куклу или речь идет об «изготовлении» живого человека?!

– Живую, господин, – вежливо поклонился провожатый. – Наверное, вам больше понравится слово «вырастим»?

– Я не знаю, что мне понравится! – подавлено честно пробормотал сержант. На самом деле, ему бы «понравилось» оказаться сейчас на своей привычной койке в казарме и вернуть

все на свои места – риск, геройство, повседневный труд и заурядные, но нормальные человеческие мечты!

– Конечно, господин! У вас будет время и выбрать, и обдумать! – тут же заискивающе поддержал его лакей.

– Сколько? – устало поинтересовался 947.

– Чего сколько, господин?

– Сколько у меня будет времени? Куда летит этот корабль? Как долго я буду здесь находиться?

– Господин! Корабль следует к Колокону – там вам вручат ваш выигрыш. Оттуда вы сможете отбыть в любую точку во Вселенной, где осядете и начнете свою новую жизнь, согласно вашему новому статусу и состоянию...

Глава 4

Колокон! Это слово для сержанта вооруженных сил Ростера располагалось в одном ряду с определениями: Вселенная, параллельный мир, большой взрыв, чужие галактики, межгалактическое пространство. То есть понятие, которое характеризовало нечто существующее в реальности, но бесконечно далекое, бесконечно глобальное, а потому – все равно, что абстрактное или вымышленное. Нечто такое, о чем иногда и слышишь, но пропускаешь мимо ушей – слишком далеко оно от твоего понимания, слишком оторвано по своей всеобъемлющей сути от проблем и реалий твоего сегодняшнего насыщенного мелочами дня.

Теперь ОН ЛЕТЕЛ на Колокон! Стоило, по крайней мере, составить представление о месте, которое его ожидало. Информатор голографической видеосистемы апартаментов согласился посвятить в некоторые детали, но при этом старательно избегал называть конкретные цифры, описывать технические характеристики и вдаваться в теории о принципе действия Колокона или экономической целесообразности глобальной транспортной системы расы Эльтаров в целом...

947 уяснил для себя следующее: Колоконами называли искусственные сооружения, располагающиеся в определенных местах космического пространства и предназначенные для ускоренной переброски кораблей и грузов на бесконечно большие расстояния – как внутри галактической спирали, так и между галактиками и другими звездными образованиями. Чудо этого человеческого творения в первую очередь отражалось в его размерах – внешне больше всего похожий на пустотелую металлическую воронку, Колокон в высоту достигал десяти миллионов, а радиус основания имел порядка двух миллионов километров.

Громадина работала так: в определяемые операторами моменты времени, под воздействием сильных магнитных полей в разных частях воронки создавались пространственно-временные аномалии; капитан совершающего переброску корабля получал маршрутную карту с подробными рекомендациями о траектории и характере своего движения; достигая аномальной зоны в строго определенное время на строго определенной скорости, корабль «протыкал» четырехмерную вселенную и оказывался в совершенно другой (в используемой людьми декартовой системе координат) ее точке, не затрачивая на этот переход ни топлива, ни времени. Чтобы затем вернуться обратно, ему требовалось знать местонахождение другого ближайшего Колокона, а точнее – координаты ближайшего Кольца Литиса – кольца, а правильнее – сферы – пограничной и непрестанно бдительно контролируемой зоны со значительным, в сравнении с самим Колоконом, радиусом в несколько световых лет. Координаты самих же транспортных гигантов Эльтаров считались государственной тайной – попадая в зону Кольца Литиса, удостоивающийся получить разрешение на посещение Колокона корабль передавал управление крейсерам пограничников и отключал все навигационные приборы – за несоблюдение режима секретности можно было поплатиться не только имуществом (кораблем), но и жизнью всего экипажа.

На Колоконах рождались, жили и умирали целые цивилизации, состоящие из обслуживающего персонала, управленческого аппарата, научной интеллигенции и военных – до нескольких миллиардов человек, обитающих в сотнях городов и в огромных по площади и объему портах и складах...

Вот какое чудо ожидало сейчас посещения сержанта! Оставалось только решить загадку: почему вручение приза лотереи отнесли в такое далекое да еще и экзотическое место?

Предположим, он действительно что-то выиграл. Что можно выиграть? По условиям игры – только знатных родителей, согласившихся подарить незнакомому им потомку собственные имена и фамилии. Свалившееся же на 947-го счастье: приказ командования об изменении курса ракетноносца, встречающий каплеобразный лайнер и неограниченный кредит – никак

не вписывалось в рамки лотерейного приза. Объяснить «небесную манну» получалось только одним способом – 947 нашел в лотерее не просто родителей, а родителей-титанов, родителей-императоров, родителей-Первых Советников...

Но опять же, почему тогда Колокон? «Венценосные» никогда не унизились бы до участия в «Единой программе рождаемости»; женщина и мужчина, оставившие Эмбриональному Центру Ларнита свои генетические истоки, никак не могли оказаться благородными Эльтарами! Тогда, куда же сержант сейчас летел?

Либо его мать и отец и в самом деле были королями, но ждали где-то в таком месте, куда без Колокона ему и за человеческую жизнь не добраться, либо... паренек, затащивший 947-го во «Дворец Игрищ» Рангула оказался не только необыкновенно серьезной фигурой, но и не пожалел ни денег, ни связей, желая поквитаться за злосчастное «прикосновение» пальцев десантника к его болезненной, тоненькой шее. Если первое объяснение выглядело попросту невероятным, то второе – еще и невероятно глупым: чтобы отомстить какому-то там сержанту из какой-то там десантной дивизии какой-то копошащейся в своих маленьких домашних войнах конфедерации, человеку, способному развернуть целый ракетносец и послать навстречу всего одному гостю еще больший по размерам пограничный крейсер, достаточно было щелкнуть пальцем, дунуть, шепнуть или обронить слово!

Сержант сплюнул и отмахнулся от разгула собственной фантазии: не производил этот мальчишка из рангульского бара впечатления серьезного вельможи – скорее – попросту зарвавшийся, распушенный, самовлюбленный юнец, незаслуженно получивший от судьбы свой лучезарный эльтарский нимб и, возможно, родительские сбережения...

Бесплатные наслаждения так и остались в каталогах – все свободное время 947 провел в размышлениях о своем прошлом и будущем. Поразмышлять обязательно стоило: судьба разворачивалась к нему на 180 градусов, продемонстрировав наконец терпеливому труженику свое прелестное личико; а вся прошедшая до этой минуты жизнь выглядела вложенной в один короткий и бессмысленный миг, в воспоминаниях о котором сержант и копался, лежа на массажном диване и ожидая того момента, когда в апартаменты доложат о прибытии корабля в пункт окончательного назначения.

Он родился в Эмбриональном Центре, и об этом загадочном месте почти ничего не помнил: разноцветные огоньки, смешные ползающие и бегающие роботы-няньки, легкая музыка, тепло, беззаботность, спокойствие и безопасность... Затем – перелет на Ларнит. 947-го, как и еще несколько тысяч таких же малышей – его ровесников – определили в подготовительную школу – огромное здание со своими садами, лесами, озерами, лугами и лыжными горками. Впрочем, тогда все оказалось таким огромным... Обучение длилось долго – с двух до пятнадцати лет. Как потом выяснилось, школа считалась едва ли не лучшей на планете и по уровню подготовки, и по информационной насыщенности учебного материала, но находилась на дотации у армейцев Ростера. Поэтому, с самого детства 947 постоянно слышал рассказы о доблести, чести, героизме и воинском долге. После окончания школы, ребята могли пойти куда угодно – обман, принимавшийся ими за чистую монету – но, почему-то, все без исключения переводились в специальное военное училище, собственно, ничем не отличающееся от только что покинутой школы – разве что строгостью преподавателей и отсутствием прежних развлечений. Тогда им не хотелось развлекаться – они рвались в бой, они мечтали о воинской карьере, мечтали о космических кораблях и новейшей военной технике, которую простому гражданскому и увидеть-то негде, не то, чтобы пощупать, потрогать или оживить... Потом... Потом обучение завершилось, а мир открылся, таким, каким он был на самом деле – грязным, кровавым, требующим терпения и труда и лишенным этой радужной, загадочной оболочки, которая превращала их детские фантазии в сказочные и привлекательные мифы...

К чести 947-го, так и не потратившего ничего из своего «неограниченного кредита», стоило признать, что времени у него оказалось не так уж и много – всего-то часа два или два с половиной.

– Господин, попрошу вас пройти в вашу яхту! – сказал улыбающийся «лакей» в строгом черном костюме, по сравнению с которым все еще не смененная сержантом после расставания с «Эдварс Готтом» армейская парадная форма смотрелась, как неприличное утильсырье.

– В мою яхту?

– Прошу вас, господин!

«Яхта» находилась прямо здесь же, в апартаментах – просто в «соседнем зале», как объяснил лакей. Здоровый двухпалубный катер, салон которого прекрасно гармонировал с обстановкой покоев снаружи – то есть ломился от роскоши и ненужных, избыточных на взгляд 947-го удобств.

– Я буду вашим пилотом, – объяснил лакей, ожидая, пока десантник поднимется по витиеватому трапу. – На все время вашего пребывания в Лотенбурге, яхта всегда в распоряжении господина.

– Что такое Лотенбург?

– Город, господин. Столица. Административный центр Колокона.

Яхта покинула каплевидный корабль пограничников, покоящийся в гравитационном поле необозримой посадочной зоны. Впрочем, необозримым снаружи выглядело все: разных форм и различного назначения космические корабли, уходящая в бесконечность нижняя стальная плоскость с кажущимися малюсенькими с высоты, где летела яхта, строениями и сооружениями, и такая же теряющаяся в дали стальная плоскость сверху.

– Мы внутри стенки Колокона? – спросил 947 у своего «пилота».

– Да, господин. Через час будем на месте.

Они двигались очень быстро, во всяком случае – обгоняли все следующие параллельным курсом небольшие пассажирские машины – но расстояние до города было таким, что на дорогу и в самом деле ушло не менее часа.

Город располагался под полусферой – металлической и непрозрачной. Едва яхта проникла за ее толстенные стены, как над головой разлилась лазурная голубизна нормального планетарного неба, «украшенного» нормальным планетарным солнечным диском, а внизу все окрасилось в яркие цвета: разнообразные строения любых форм и цветовых оттенков, зеленые парки и скверы, синие озера и речки, желтые пляжи, разноцветные цветники и сады...

Внизу в городе было малоллюдно, а вокруг, «в небе» – совсем не много катеров, яхт и ботов. Судя по соотношению застроенной территории и площадей, отведенных под места общественного отдыха, здесь долго еще могли не беспокоиться о наступлении перенаселения.

– И так везде на Колоконе? – спросил 947. – Почему так мало людей в таком большом городе?

– Только в Лотенбурге, господин. Лотенбург – город правителей, послов и важных гостей.

– А я – важный гость?

– Конечно, господин.

Лакей оставался лакеем – он и не мог ответить иначе. «Что же я здесь делаю?!» – в очередной раз спросил у себя 947. Оставалось только терпеть и ждать, теперь уже – точно не долго.

Яхта опустилась в парковочной зоне внутри золотистого многоэтажного строения. 947 хотел пошутить, предположив, что все вокруг – опять же его личные «апартаменты», а пустая парковочная зона – личный собственный гараж, для размещения одной «маленькой», но собственной яхты... Лакей опередил с разъяснениями, заставив сержанта ужаснуться по-насто-

ящему – ему, как гостю, и в самом деле отводился весь этот этаж гостиницы экстра-класса, разумеется, с размещенной на нем парковочной зоной... В придачу, все заверения о неограниченном кредите и все предложения о видах и способах его траты перекочевали сюда из пограничного лайнера, вслед за покинувшим его «господином победителем лотереи».

Теперь 947 начинал всерьез подумывать о принятии горячей ванны, бутылке хорошего вина и консультации психоаналитика – все перечисленное оказалось бы сейчас как нельзя к стати его пошатнувшемуся рассудку. Тем более, что предлагалось оно совершенно бесплатно и без каких-либо дополнительных условий.

Но и на этот раз 947-го ограничивали во времени. Неизвестно откуда явившаяся в его гостиную длинноногая темнокожая красотка объявила, что «господина 947 через два часа будут ожидать на торжественном приеме в честь прибытия уполномоченного посла Гонолита во дворце представительства Семи Стихий». Ничего не разобравший сержант попросил повторить, но его успокоили, что лакей уже в курсе всего маршрута, а потому о поиске дворца и прохождении его внешней контрольной зоны не стоит лишний раз ломать себе голову. Женщина прибавила, что ее прислали, чтобы подготовить гостя к приему – вымыть, постричь, умастить благовониями, одеть и научить, как себя держать – на приеме будут очень серьезные люди, понравиться которым – значит сделать себе карьеру.

– И все эти процедуры будете делать со мной вы? – несколько смутившись, предположил 947.

Женщина кокетливо улыбнулась, но ответила отрицательно:

– Зачем же? Все автоматизировано. Я здесь только для того, чтобы вам было на кого поругаться, если что-то пойдет не так.

Сержант недоуменно пожал плечами, но послушно вошел в банную комнату, точнее – в огромный мраморный колонный зал с гейзерами и бассейнами холодной и теплой воды...

На придание должного имиджа ушло целых полтора часа. Последним актом стало одевание в иссиня-черный, красиво переливающийся на свету добротной фактурой ткани, точно подогнанный по размерам дорогой костюм, состоящий из доброго десятка деталей, даже не считая запонок и заколок.

– Вы обязательно произведете впечатление! – восторгаясь результатами своего труда, воскликнула темнокожая стилистка.

947 тоже не узнал статного, темноволосого, синеглазого, благородного господина, горделиво взглянувшего на свой оригинал с демонстрирующей себя со всех сторон зеркальной голограммы...

Азы принятого здесь этикета сержант постигал уже по пути во дворец. Все правила сводились к тому, чтобы, продемонстрировав высокое самомнение, сохранить при этом и некоторую скромность: не присаживаться, пока не предложат; сдерживать все эмоции и выдавать их по чуть-чуть лишь иногда и из вежливости; делать все медленно, уверенно и с достоинством; и главное – говорить как можно меньше, даже, если тебя о чем-то спросили...

Дворец «Семи Стихий» был настоящим чудом инженерной мысли – он наверняка потряс бы воображение 947-го, если бы, пролетая снаружи, у сержанта оставалось время разглядывать окружающие ландшафты (наружный обзор яхты специально отключили, чтобы не отвлекать господина во время передачи ему последних рекомендаций), а внутри дворца обстановка не оказалась настолько помпезной и напряженной.

С первого же момента 947-му пришло на ум, что во дворце собралось все население столицы – даже значительные размеры главного зала не могли вместить всех шикарно разодетых, медленно прогуливающих или топчущихся на месте мужчин и женщин.

При этом вскоре выяснилось, что внутренние дворцовые службы наблюдают абсолютно за каждым. Уже через минуту к сержанту подбежал холеный официант и довольно холодно

поинтересовался, на каком основании и с какой целью молодой человек явил себя в столь блистательное общество.

– Я победитель лотереи, – несколько обескураженный приемом, объяснил 947.

Официант, если это был официант, выслушал кого-то невидимого, кивнул и все так же неприветливо глядя, объяснил:

– Хорошо, господин. Вы не участник приема. Стойте здесь – за вами придут!

Потом он исчез так же незаметно, как минуту назад возник из толпы. Сержант остался стоять, оглядываясь по сторонам и начиная задумываться, не ошибся ли его «пилот» адресом. Даже в дорогом костюме, украшенном запонками и заколками с драгоценными камнями, 947 не вписывался в окружающую компанию – все лица вокруг казались надменными и равнодушными; все головы задирались так высоко, что удивительно, как никто из их обладателей не спотыкался о ковры и ступени; почти над каждой из этих голов тускло или ярко светился атрибут высшего – голубой, белый или же желтый нимб.

– Следуйте за мной! – за спиной 947-го откуда-то взялся юноша в офицерском мундире – высокий, с горделивой осанкой и нимбом над светлой кучерявой головой.

Его проводили в обход творящегося в зале столпотворения, наверх, в тихую уединенную большую лоджию. Там, в обстановке еще больших, чем увиденные сержантом до сих пор, роскоши и дороговизны за большим круглым столом из очень красивого, неизвестного 947-му материала сидели четыре дородных полных господина разного возраста и облаченных в совершенно разные по покрою и цветовой гамме костюмы. Кроме разделяемого за одним столом места, четверку объединяли: яркое золотое свечение над головами – разглядеть нимбы мешали сразу возникающие при взгляде на них слезы; покрытые большими перстнями и браслетами с размещенными в них пугающе огромными желтыми кристаллами пальцы рук и предплечья; и большие равнодушные глаза, в которых вяло туманились могущество и пресыщение.

Все эти четверо посмотрели на 947-го. Ему не предложили сесть и вообще ничем не дали понять, что ждали сержанта или рады его приходу.

Чувствуя, что начинает колотиться нервной дрожью, 947 простоял несколько минут в абсолютной тишине и под пристальными изучающими взглядами снобов.

Наконец юноша в офицерском мундире соизволил положить на стол планшет с документами. Самый молодой, во всяком случае – самый подтянутый (на вид ему было около тридцати, но 947 почему-то понял, что на самом деле – намного, намного больше) из четверых вельмож, монотонно и без интереса произнес:

– Рады приветствовать вас в Лотенбурге. Возьмите!

Сержанту протягивали планшет.

– Здесь ваше генеалогическое дерево. Внизу – список имен. Выберите то, какое вам больше нравится.

947 с трепетом принял планшет и некоторое время изучал малопонятную ему схему.

– Я могу спросить, кто были мои родители? – сержант собрался с духом и осмелился поднять глаза на венценосную четверку.

Вельможи медленно, спокойно обменялись ничего не выражающими взглядами.

– Мы сами не знаем, кто они, – таким же бесцветным голосом объяснил тот, что сидел напротив. – Но они – достойные люди. Вы выбрали?

947 вернул взгляд планшету, чувствуя, как кровь все сильнее приливает к его вискам. Ему ничего не хотят объяснить? Им наплевать на него и на его родителей? Почему же тогда заставили пересечь всю галактику? Неужели же он так и уйдет отсюда, не получив ответа ни на один из своих вопросов?!

Глаза остановились на двух словах, показавшихся чем-то знакомыми и отдавшихся в голове сержанта приятными звонкими отголосками.

– Гим Реверберг.

Четверка одновременно моргнула, демонстрируя удовлетворение быстротой и уверенностью выбора.

«Я произнес вслух?!» – изумился 947. – «Что ж, пусть будет, что будет...»

– Прижмите ладонь вот здесь! – попросил все еще стоявший за его спиной офицер.

947 послушался.

– С этого момента, вы – Гим Церон Ревенберг! – с легкой торжественностью в интонации, но с ничего, кроме нетерпения и неприязни не выражающим взглядом, произнес третий из вельмож. – Генерал выдаст вам сертификат, разрешающий безвизовое посещение планет Второго и Третьего Кольца и подтверждающий, что вы являетесь обладателем ежегодно пополняемого счета в Международном Конверсионном Банке. Совет поздравляет вас, Гим.

Похоже, это было все. Глаза четырех снобов дали понять, что больше в обществе новоиспеченного именитого не нуждаются. 947 попятился к дверям, а следом, закрывая собой вид на стол с Советниками, шагнул юноша в офицерском мундире.

Когда двери лоджии сомкнулись, офицер подал сержанту документ со словами:

– Вы больше не 947. Ваш личный номер стерт из международной картотеки Второго Кольца. Файл данных заменен новым, на имя Гима Церона – прирожденного лорда фамилии Ревенберг. Сертификат, если хотите, сохраните на память – как и раньше, для подтверждения личности вам потребуется только биологический спектр вашего тела. Номер гостиницы в Лотенбурге забронирован на пять суток – в течении этого срока вы должны определиться с направлением, в котором отбудете.

– Это все... сэр?

– Я вам не «сэр», Гим Церон! А вы больше не сержант. Да, это все!

Офицер собирался уходить, а бывший солдат только и успел растерянно пробормотать:

– Что же мне тогда теперь делать?..

– Все, что вам заблагорассудится, Гим – разумеется, в пределах допустимых приличий. Вы имениты, вы знатны, но вы – человек Второго Кольца – вы не один из нас... – юноша посмотрел на него напоследок, как показалось Гиму – с легкой тенью сочувствия и уважения, и добавил: – После приема здесь состоится концерт – если хотите, оставайтесь – это стоит увидеть.

Глава 5

Обстановка приема нервировала и угнетала Гима Церона. Ему не с кем было общаться – обслуживающий персонал соблюдал дистанцию с любым из гостей, не вникая в такие детали, как наличие или отсутствие нимба, сами же гости считали ниже своего достоинства даже смотреть на лишенного венца незнакомца.

Бывший сержант сразу понял, что ему здесь не место. Он решил пренебречь приглашением светловолосого офицера и, не дожидаясь концерта, отправился на стоянку, сел в яхту и улетел к себе в номер.

Оказавшись в тишине комфортабельных покоев, Гим заказал-таки бутылку хорошего вина, забрался в огромный бассейн с теплой бурлящей пузырьками водой, включил вокруг себя голографических танцовщиц и певцов и, блаженствуя от музыки, массажа, винных спиртов и поднимающегося настроения, начал праздновать свое второе рождение, глубоко вдыхая пропитанный цветочными маслами «сладкий воздух свободы», подпевая певцам из клипов и философствуя о превратностях интересной человеческой судьбы.

Как бы плохо не относились к нему венценосные снобы, жизнь ведь все равно была – прекраснее не бывает!

Он получил то, о чем даже не мог мечтать – имя, положение, визу на любой из миров и сумму на счете в международном банке! Все – в один день, в один момент, в одно мгновение! Еще вчера – бесправный сержант, сегодня – лорд Ревенберг! Еще вчера – безвольно летящая по ветру судьбы песчинка, сегодня – хозяин своему слову, месту и времени! Оставалось только как можно скорее сбежать из нудного, церемонного мира Колокона. И тогда – вся галактика распахнет перед Гимом Цероном свои ласковые, гостеприимные объятия...

Бутылка вина как раз заканчивалась, когда сквозь музыку прозвучал высокий насмешливый голос:

– Ты, я смотрю, неплохо устроился!

Гим лежал в воде на спине, чтобы оглядеться, ему пришлось резко изменить позу, на мгновения с головой уйдя под воду. Среди виртуальных танцовщиц и ярких нереальных пейзажей клипа стоял не вписывающийся в сюжет песни персонаж – молодой бледный мужчина с голубым нимбом над головой.

– Вы?! – воскликнул бывший сержант.

– А ты ожидал кого-то другого, Гим Церон?

По губам Рода Лана скользнула ядовитая усмешка.

Музыка стихла, виртуальный голографический пейзаж клипа растворился в воздухе. Эльтар опустился в полимерное кресло так, чтобы иметь возможность взирать на находящегося в воде бывшего сержанта.

– Как вы попали сюда... – начал Гим.

– Что? – Род удивленно поднял брови, словно говоря: «кто у кого в гостях?».

Гим выбрался на борт бассейна, вытер со лба капли и начал приходить в себя, возвращаясь из радужного мира грез к заурядному, но закономерному настоящему – в настоящем ничто не доставалось бесплатно!

«Рано ты обрадовался!» – злясь на собственную легковёрность, сказал себе бывший десантник.

– Значит, все это организовали вы? – пробормотал Гим.

– Что «это»?

– Победу в лотерее, проезд на Колокон, титул лорда?

Молодой Эльтар прикусил губу и медленно покачал головой.

– Нет, не я... – произнес он в некоторой задумчивости, но тут же отмахнулся от мыслей и прибавил с горделивой улыбкой: – Без моего участия, конечно, не обошлось. Я ведь не зря потащился с тобой во Дворец Игрищ! Убедив тебя сдать анализы, я собирался надавить на... кого нужно, чтобы моего обидчика обязательно сделали именитым... А вот дальше все покатило кувырком: мне запретили интересоваться твоей судьбой, тебя вызвали на Колокон, поселили тут как наследного принца, пригласили на прием посла, наконец, сделали лордом...

– Так вы здесь не при чем?

– Я?! – Род Лан импульсивно взмахнул руками и гневно закричал: – Да на кой черт мне «лорд»?! За каким бесом мне лететь на Колокон?!

– Не понимаю... – признался Гим.

Род Лан вскочил на ноги и нервно зашагал взад-вперед вдоль бассейна, рассуждая вслух:

– И я ничего не понимаю... Что-то пошло не так... Только мне-то на это плевать! У Ланкоруса Дитриеза свои планы, а у меня свои! Если он что-то задумал, мог бы предупредить и меня – раз не предупредил – кто ему виноват...

– Ланкорус Дитриез? – повторил Гим.

Эльтар замер и резко повернулся к бывшему сержанту.

– Забудь! – приказал он. – Тебя это не касается! Думай о другом – завтра в восемь утра состоится поединок чести. Ты и я! Парк «Святой Воды». У водопада!

– Что? – Гим замотал головой, сомневаясь, что расслышал правильно.

– Ты мне задолжал, – удивляясь сомнениям Гима, напомнил Эльтар. – Поединок чести!

– Мы будем драться?

– На шпагах. Секунданты мои.

– Что такое «шпага»?

Род Лан хмыкнул и швырнул Гиму принесенное с собой оружие, состоящее из длинного тонкого полимерного лезвия и чашеобразного золоченого эфеса. В недоумении бывший сержант покрутил необычный предмет в руках – очевидно, в нем не было никаких хитростей, кроме острых краев и заточенного острия.

– Почему «шпага»?

– Простолюдин! – презрительно сплюнул Род Лан.

Удивленному Гиму показалось, что Эльтар вот-вот заплачет, но тот переборол приступ эмоций и снизошел до объяснений:

– Решить спор чести можно только контактным оружием – огнестрельное не выбирает правого и не требует умения. Из контактного: нож, кинжал – оружие воров и убийц; меч – оружие мясников. Шпага – оружие благородных. Ее не спрячешь под одеждой. Она не убивает случайным прикосновением или нечаянным попаданием. Владение ею – древнейшее искусство. Смерть от шпаги – смерть от достойнейшего.

– Но я не владею таким оружием. – Гим попробовал эфес на ладони и недоуменно пожал плечами.

– Твои проблемы! – зло выдохнул юноша. – Нужно было учиться!

– Но откуда мне было знать...

– Замолчи! Впереди ночь – вот и тренируйся! Завтра в восемь утра, Гим Церон!

– Подождите, – бывший сержант потер виски и наконец поднялся с бортика бассейна на ноги. – Все дело в том, что я дотронулся до вашего горла? Но ведь вы сами вынудили меня...

– Замолчи!!! – зеленея, заорал Эльтар. – Я оскорблен! Мое имя испачкано грязью! Я не могу ни есть, ни спать, ни любить, ни думать! Я лишен покоя! Схожу с ума! Да как ты...

Теперь на щеках венценосного и в самом деле появились слезы обиды. «Он или сумасшедший, или самый капризный тип, которого я когда-нибудь видел!» – подумал Гим.

– Если я оскорбил вас, то лишь по незнанию и потому, что ситуация вынудила меня поступить так, как я поступил, – попробовал все же договориться десантник. – В моем поступке

не было злого умысла! Мы могли бы обсудить и другие способы решения нашей проблемы. Например, я могу попросить у вашей милости прощения и пообещать...

– Что?! – Эльтар даже замер на месте и перестал плакать. – Прощения?! Простить все, что я пережил?! Завтра, Гим Церон!!! Завтра!!! Я итак ждал вечность!!!

Юноша перевел дух, фыркнул и решительно направился к выходу.

– А если я не приду? – на всякий случай поинтересовался Гим.

– Сбежать от поединка, значит проиграть его, – холодно сверкнув глазами и презрительно поджав губы, но уже с пугающим спокойствием в голосе объяснил Род Лан. – А проигравший умирает. На поединке или позже. Если позже, то все равно как – все методы хороши. Если хочешь всю жизнь жить в страхе и в оглядке – твое дело, простолюдин – беги с Колокона, спасай свою шкуру!

Гим накинул на плечи пушистый синий банный халат и покинул зал с гейзерами и бассейнами.

– Сумасшествие! – воскликнул он, обдумав ситуацию и придя к выводу, что ничего не остается – нужно учиться овладевать примитивным экзотическим оружием Эльтаров. Надежды были: все же он служил десантником – разумеется, у него накопился кое-какой опыт во владении колюще-режущими предметами. Что касается шпаги, казалось достаточным всего лишь освоить незначительные нюансы, имевшиеся у любого орудия убийства и наверняка существовавшие и у этого.

Гим вызвал прислугу. Явились двое – прежняя темнокожая девушка и молодой человек в черном костюме.

– Мне нужен специалист по владению этим предметом, – объяснил им Церон, протягивая шпагу Рода Лана.

Они замаялись и, в итоге, признали, что ничем не смогут помочь: шпага – ритуальное оружие Эльтаров, а Эльтар не придет учить фехтованию человека Второго Кольца.

– Попробуйте использовать базу Мозга отеля, – предложил молодой человек. – Возможно, там найдется нужный самоучитель.

Прислуга ушла, а Гим Церон перешел в спортивный зал, где вызвал голографического тренера – одну из программ базы Мозга.

– Что изволите? – спросила мускулистая улыбающаяся голограмма.

– Владение шпагой. Самый ускоренный курс.

– Хорошо, господин. Готовы? Приступим. Начнем со стойки. На первый взгляд, вам покажется неважным, как поставить ноги и распределить вес своего тела, однако...

– Стоп! – тут же остановил Гим. – Я знаю, что такое «стойка». Опустите этот раздел!

– Очень хорошо, – улыбнулся виртуальный богатырь. – Опустим значение и перейдем к сути. По вашим движениям, жестикуляции и даже осанке я уловил, что вы предпочитаете все делать правой рукой – вы правша. Немного жаль, потому, что левша получил бы маленькое, но все таки преимущество. Посмотрите на меня. Становимся боком, голову поворачиваем к правому плечу, правую ногу выставляем вправо и чуть приседаем, так, чтобы почувствовать, что ноги превратились в жесткие, надежные пружины. Левую руку заводим за спину – я потом научу, как использовать ее во время выпадов и обманных движений, возможно, мы даже отработаем для этой руки серию специальных уколов – боец, дерущийся обеими конечностями, приобретает неоспоримое преимущество. Правую руку сгибаем в локте. На повернутую ладонь вверх кисть правой руки кладем эфес шпаги и держим оружие так, чтобы предплечье и кисть образовали с лезвием одну прямую линию.

Проверим, что получилось. Чуть согнутая правая нога, корпус, голова и правая рука с оружием находятся в одной плоскости – на линии между вами и противником – в данном

случае – между вами и мной. Опорная левая нога – единственное, что делает нас объемными – она должна лежать в плоскости, строго перпендикулярной первой. . .

Итак, положим шпагу и попробуем двигаться. Начнем с коротких шажков. . .

– Черт! – не вытерпев прелюдии, выругался Гим. Такими темпами, он будет учиться вечность! – Забыли про «стойку»! Скажем: двигаться я умею!

– Но вы не правы, господин! – как ни странно, возмутился виртуальный тренер. – От того, научитесь ли вы правильно стоять в стойке, зависит, какую зону поражения подставите под укол врага – весь корпус, или же только бок. Скажу по-другому: какую по площади зону вам придется защищать своим оружием от оружия противника! Это немаловажная. . .

– Но у меня нету на нее времени! Говорю тебе: к черту стойку! Переходим к ударам!

– Хорошо, господин. . . – тренер укоризненно покачал головой, но продолжил: – Возьмите шпагу! Я уже говорил, что лезвие, кисть и предплечье должны лежать на одной горизонтальной прямой. Причем всегда – во время уколов, во время уходов, во время выпадов. . .

– Дальше! – криком поторопил Гим.

Учитель сделал вид, что расстроен и даже обижен, но опять подчинился:

– Сосредотачиваем внимание на острие нашего клинка (лезвия). Наша задача – научиться направлять кончик шпаги точно туда, куда захотим. Даже делая серию выпадов, опытный боец попадет в ноготь на мизинце ребенка. Направляют же кончик не всей рукой, и даже не кистью руки, а большим и указательным пальцем – именно эти два пальца жестко, но изящно сжимают рукоять эфеса, сама же ладонь только поддерживает ее, распределяя по себе основной вес оружия. . .

– Черт! – Гим перестал слушать, тяжело выдохнул и вышел из стойки. – На какой срок рассчитан ваш курс?

– На два года, мой господин. Но не обольщайтесь, за этот период мы только освоим азы, научимся основным ударам и защитам – заложим фундамент будущего умения. Для того, чтобы стать мастером. . .

– Остановись! – потребовал Гим. – Мне не нужен курс на два года, я хочу знать ВСЕ уже через десять часов!

– Совершенно невозможно, мой господин, – добродушно заулыбалась голограмма.

– Послушай, я – солдат, я – десантник! Я мастер боевого искусства Айзы! Я в совершенстве владею доброй сотней всевозможных метательных, колющих и рубящих железок! Я. . .

– И среди «железок» была шпага? – вежливо перебил учитель.

– Шпаги не было.

Голограмма кивнула с видом победителя:

– Тогда вам все же лучше начать с азов!

Церон задумался. Лезвие, как лезвие. Ничего выдающегося, ничего необычного. Но – специальный двухгодичный курс, ориентированный исключительно на такую заточенную полоску и непригодный для любой другой, например, меча или топора. И, что самое плохое, возможно, в этом скрывалось рациональное зерно. Как учили в школе: любое оружие любило руку мастера. . .

– Сколько наиболее известных способов нанесения укола? – чтобы утвердиться в своем предположении или опровергнуть его, уточнил у учителя Гим.

– Точной цифры не знаю, господин. Их тысячи.

– А нельзя ли мне загрузить твою программу непосредственно в мозг?

Теперь на лице богатыря появились красные пятна возмущения. Богатырь закипятился:

– Ни при каких условиях! Фехтование – школа избранных! Шпага – оружие чести! Познавайте ее шаг за шагом, но не пытайтесь обойти противника, обманув его знаниями, которые вам не принадлежали!

– Пусть лучше противник попросту убьет меня, так?

– Он вас или вы его. В этом и есть суть поединка!

Очевидно, что с учебкой ничего не получалось. Но Гим все еще верил в себя. Он верил, что победит там, где можно будет использовать умения и знания бойца ударной дивизии. Казалось невероятным, чтобы избалованный Эльтар-мальчишка обладал большим опытом, чем сержант десантной дивизии вооруженных сил Ростера!

Потренироваться все равно стоило.

– Мне нужен не учитель, а тренажер. Хочу провести эту ночь, отрабатывая удары.

– Так и не изучив базы?

– Буду изучать в процессе. По-другому все равно не получится.

– Хорошо. Наденьте на голову шлем имитатора. Нашли? Надевайте! Он кажется вам прозрачным? Это неправда. Посмотрите сюда!

Голографический учитель сделал резкий выпад, выбросив вперед правую ногу и выпрямив руку со шпагой – Гим почувствовал болезненный укол в левое плечо, а вся левая рука застонала от пронзительной боли.

– Теперь попробуйте отбить мою шпагу!

Гим скрестил лезвие своего оружия с оружием изображения – послышался звон, а рука наткнулась на вполне реальную преграду.

– Что происходит? – поинтересовался Церон.

– Имитация импульсов нервных окончаний – мозг получает от шлема такую же информацию, какую получил бы от раненного плеча или физически нагруженной руки. Начнем?

– Поехали!

Учитель перешел в наступление, делая укол за уколом. Гим защищался, как мог – удачно, но очень неуклюже.

– Видите, вы расходуете много сил, – сказал тренер. – Я же почти ничего не делаю...

Отбив серию выпадов, чаще эфесом шпаги, чем ее клинком, Гим пришел к выводу, что ему проще ударить противника рукой, ногой или головой, чем попасть в того чрезмерно длинной тонкой саблей. Он не преминул воспользоваться своим открытием и уловил момент для удара левой рукой по необороняемой почке противника. Голографический «враг» не почувствовал боли, но посмотрел удивленно:

– Такой ход против правил!

– Что со мной сделают? – спросил Гим. – Признают проигравшим?

– Победу назовут «грязной»!

– Ну, это не страшно! – весело улыбнулся сержант. – О спортивной чести речь не идет – мне бы попросту выжить... Продолжим?

– Нет, господин. Если вы применяете знания боевых искусств, мне нужно модернизировать тренажер, чтобы ответить вам тем же. Жесткий контакт шлемом не предусмотрен – нельзя же вам просто внушить, что вы перелетаете через голову!

– И что будем делать?

– Настаиваете на жестком контакте?

– Да, настаиваю.

– Подключим излучатели силового поля. Имейте в виду – теперь синяки станут настоящими! И помните: я все равно не смогу бороться, не смогу схватить вас за рукав или выполнить сложный болевой прием – в моем распоряжении не человеческое тело, а всего лишь силовые излучатели. Поэтому, настоящий противник в настоящем поединке наверняка окажется сильнее вашего учителя.

– Начали!

Они набросились друг на друга. Голографический богатырь и в самом деле не пытался бороться с бывшим десантником, зато он то и дело наносил ему удары по корпусу своими здоровенными кулачищами – задыхаясь от боли, Гим всякий раз отлетал от голограммы на несколько

метров. Но он не сдавался, снова и снова стараясь сблизиться с противником на дистанцию, где применение длинного клинка шпаги стало бы невозможным...

Через час поединка, больше похожего на уличную драку отсутствием каких бы то ни было правил, Гим Церон вдруг осознал, что увлекаться тренировкой едва ли стоило – сил оставалось все меньше, как и времени, чтобы восстановить их перед настоящей, уже смертельной схваткой.

– Хватит! – согнувшись и тяжело дыша от усталости, скомандовал сержант голограмме. – Принцип ясен: на длинной дистанции – оборона клинком, на ближней – кулаки, колени и локти. Может, что и получится!

– Может быть, – согласился несуществующий учитель. – Только не забывайте – я фехтовал на уровне новичка. Что, если поединщик окажется мастером?

– А что, если не окажется? – Гим скинул шлем и осмотрел свои вполне реальные ссадины. – Ладно, спасибо, мастер! Я в бассейны и спать!

Армия научила сержанта спать в любой ситуации и в любом положении – в кресле пикирующего истребителя, на полу попавшего в метеоритное облако, трясущегося от перегрузок ракетноносца, в окопе, под проливным холодным дождем, тем более – в тишине и на мягкой кровати. Причем, одинаково крепко и спокойно, вне зависимости от того, велика или мала вероятность, что короткий человеческий сон превратится в мертвый и вечный. Поэтому даже сейчас, пройдя через нервное потрясение от стремительного карьерного роста и в ожидании утреннего поединка, на котором на карту ставилась так поднывавшая теперь в цене жизнь, Гим мгновенно провалился в сон и так же мгновенно вернулся из него, когда браслет на руке подсказал спящему мозгу о наступлении шести часов утра по местному времени.

Поднявшись с огромного дивана (постели в номере не обнаружилось), оглядевшись, чтобы убедиться, что все, начиная с вызова к капитану ракетноносца, полковнику Аль Риду, ему не приснилось, помывшись и позавтракав, Гим отправился к яхте, ругая себя, что не предупредил заранее лакея-пилота. Однако лакей и не думал спать и встретил господина точно таким же свежим и бодрым, каким был оставлен вчера днем.

– Во сколько ты встал? – подозрительным тоном спросил Гим.

– Встал откуда, господин?

– Ты не спал ночью?

– Конечно же нет. А зачем?

Гим поморщился. Его провели – Эльтары и их прислуга наверняка принимали таблетки, снимающие необходимость в отдыхе. Знал бы о таких таблетках, не потерял впустую столько свободного времени...

– Летим в парк «Святой Воды». Знаешь, где это? Не позднее семи тридцати мне нужно быть у какого-то там водопада...

Они прибыли вовремя. До поединка оставались полчаса, и Гим Церон хотел потратить их на осмотр арены боя. Когда поединок становился смертельным, никогда нельзя было угадать, какая из окружающих мелочей окажет решающее значение. На мастерство-то рассчитывать не приходилось...

Погода стояла чудесная: в лазурном небе светило доброе утреннее солнце, оттенками салатного зеленели трава и листья деревьев, восхитительно пахли огромные цветы, и звонко, чисто пели прячущиеся в листве маленькие птички.

Водопад тоже выглядел великолепно. Тонны неизвестно откуда взявшейся в космосе воды рушились в бездонную каменную бездну, поднимая в воздух густые прохладные облака тумана...

Туман был, но ноги по траве не скользили – значит, не стоило надеяться, что противник забудется и поскользнется...

Тут появился и противник. Род Лан прибыл на яхте, вдвое превышающей по размеру машину, выделенную 947-му пограничниками. На Эльтаре был странный белый кружевной наряд, волосы заплетены в косичку, а лицо источало эдакое надменное презрение к мирским проблемам, страху и смерти.

«Уверен в себе», – с сожалением, но совершенно точно подметил Гим. – «Или считает, что я полный ноль, или и в самом деле чего-то умеет».

С юным снобом прибыло еще двое мужчин в армейских мундирах. Гим никогда не видел формы подобного образца, но даже на незнакомых знаках отличия сержант различил детали, которые могли указывать только на самое высокое офицерское звание.

Секунданты проверили шпаги – на ломкость и качество заточки. Отвели поединщиков на исходные позиции и отступили, так и не обронив ни одного слова.

Род Лан гордо вскинул голову и облегченно вздохнул – судя по всему, его и вправду тяготила потребность как можно скорее расплатиться за оскорбление. Час расплаты настал – Эльтар мог расслабиться и успокоиться...

– Я не использую фотоид, у тебя нет ничего кроме шпаги, – объяснил последние правила Род Лан. – Деремся до смерти.

– Что такое «фотоид»? – уточнил Гим Церон.

Эльтар указал пальцем на нимб у себя над головой и тут же, без предупреждения, сделал бросок вперед, пробуя без всякого боя проткнуть шпагой непросвещенного дикаря. Но Гим тоже не первый раз выходил на ринг – он ожидал чего-то подобного и успел отклониться.

За первым выпадом без всякой паузы последовала целая серия молниеносных уколов – худой бледный мальчишка и в самом деле превосходил в мастерстве владения шпагой голографического учителя из отеля.

Гим, чтобы не рисковать, делал то, что умел – держал шпагу за эфес, сжав рукоять в кулаке, и использовал элегантное оружие древних, как самый заурядный кастет – отбивал им клинок врага и подгадывал момент, чтобы нанести удар по корпусу или в лицо...

Странная манера видения боя бывшего сержанта вызвала недоумение и улыбки у офицеров-секундантов и сбила с толку Рода Лана, который никак не мог определиться с выбором тактики. Гим увертывался, приседал, подпрыгивал, уклонялся всем корпусом, словно его хотели стукнуть чем-то большим и тяжелым, и, как ни странно, всегда успешно подставлял чашу эфеса под ищущее мягких тканей острие шпаги Эльтара. Еще – изо всех сил старался сократить разделяющую бойцов дистанцию.

Когда Гиму удалось-таки перехватить руку Эльтара и сойтись с ним вплотную, в сержанте ожил мастер Айзы – Род Лан получил серию ударов по почкам, селезенке и, наконец, по ногам, отчего согнулся от боли и упал на колени. Секунданты заволновались, но Гим не стал ждать их реакции, а продолжил наступление – перехватив руку Эльтара, он заломал ее за спину Рода, заставил противника выпустить шпагу, после чего повалил врага на живот и придавил коленом, пока еще не задумываясь, что станет делать потом и обязательно ли убивать того, кто итак повержен и обездвижен.

Юноша захрипел от боли и задергался, пытаясь освободиться. Только смысл его рева удивил Гима – Эльтар даже не думал просить пощады, наоборот он возмущался еще больше прежнего:

– Ты опять до меня дотронулся!!!

– Ну уж извини! – разозленный и разгоряченный поединком, прорычал ему Гим. – Тут уж ничего не поделаешь...

Но тут нимб сверкнул над головой Рода – ослепленный светом и отброшенный воздушной волной, сержант отлетел на несколько метров и схватился за свои глаза. Эльтар вскочил на ноги – больше оскорбленный не тем, что ему едва не сломали руку и отбили внутренности,

а тем, что еще раз «обидели», при свидетелях нарушив правило «высочайшей неприкосновенности».

Шпага сама взлетела с земли в протянутую к ней ладонь венценосного. Гим так не умел. Ему пришлось кувыркаться по траве, чтобы схватить свое оружие быстрее, чем Род Лан преодолет разделяющее поединщиков расстояние.

Теперь Эльтар был в такой ярости, что сержант первый раз испугался. Клинок Рода Лана замелькал в таком вихре, что Гиму пришлось отступить назад – до тех пор, пока за спиной не появилась пропасть с бурлящим водяным потоком.

– Эй! – поспешил напомнить озверевшему противнику ошеломленный стремительностью его натиска Гим. – Теперь я не безымянный! Я могу до тебя дотрагиваться!

Ему удалось все же сменить позицию, перепрыгнув через голову Рода Лана. Но это не спасло от метнувшегося следом лезвия – клинок вошел в правое плечо Гима и тут же выскользнул из него, чтобы остаться на свободе и успеть нанести еще серию болезненных уколов прежде, чем противник осознает значимость первого ранения и выйдет из естественного первого шока.

Эльтар знал, куда бить – его шпага ранила сержанта в нервные центры. Правая рука Гима повисла плетью, затем так же пропал контроль и над левой, затем – укол в ногу, в бедро и в грудь. Еще не понимая, что проигрывает, еще не успев как следует испугаться, сержант потерял равновесие и упал на спину. И тут же его пригвоздил к земле укол в самое сердце – такой жгучий и болезненный, словно все жала мира в один момент впились в незащитное обнаженное тело, впрыснули в него самый сильный из существующих в природе ядов и навсегда лишили надежды на попытку что-либо исправить...

– Как глупо... – прогнувшись, сморщившись от боли и давясь одновременно и собственной кровью и тоской от чудовищной несправедливости так не вовремя наступающего конца, едва-едва прошептал несчастный 947, Гим Церон, лорд фамилии Ревенберг...

Где-то совсем рядом с ними взвыли сирены. С неба камнями упали три машины: две маленькие «скорые помощи» и одна большая медицинская лаборатория. Из машин выбежали люди – в спец-скафандрах, с реанимационными инструментами в руках и с озабоченными, взволнованными выражениями на лицах. Гим их уже не видел – расплывающиеся круги топили в разноцветных бликах приближающиеся вдали силуэты и высокомерно взирающего сверху вниз венценосного Эльтара...

Род Лан выдернул шпагу из сразу же обмякшего на траве тела. Его секунданты сдерживали рвущихся на помощь медиков и сбежавшихся отовсюду работников парка и явно нуждались в помощи.

– Назад!!! – повернулся к ним и визгливо заорал нервный юноша, повелительным жестом обводя вокруг шпагой и предупредительно накаляя синий нимб у себя над головой. – Всем отойти!!! Ждите, пока он умрет!!! Поединок чести – проигравший отдает жизнь!!!

Осознав смысл крика, люди отступили и молча, в растерянности наблюдали, как истекает кровью некому неизвестный молодой умирающий, вероятно, достаточно знатный, чтобы находиться здесь, в столице Колокона и, вероятно, достаточно благородный, чтобы расстаться с жизнью со шпагой в руке...

Глава 6

Мысли набегали одна на другую. Сперва в них господствовали расплывчатые визуальные образы, затем изображение приобрело смысловую огранку и, наконец, обросло словами. Он мыслил, рассуждал, думал. В памяти оживала хронология последних событий. Он помнил все, до малейших деталей, и не мог сказать, чтобы в черед часов и дней существовал некий провал. Время не останавливалось. Информация не прекращала поступать извне. Последние воспоминания были даже богаче и насыщеннее воспоминаний периода, пройденного до наступления смерти, только осмыслить их оказалось невероятным – они не подчинялись человеческой логике, они не предназначались для человеческого восприятия.

Глаза его были закрыты, не позволяя увидеть обстановку того места, где сейчас находились тело и сама сущность. Он не торопился открывать глаз – на душе царило абсолютное гармоничное спокойствие, в котором колебания окружающего мира не могли иметь принципиального значения. И все же глаза нужно было открыть – хотя бы для того, чтобы убедиться, что такие органы зрения все еще существуют.

Он лежал в горизонтальном положении в нише какого-то стола или саркофага. Белый с фиолетовым свет с потолка бил настолько сильно, что не позволял разобрать контуров находящихся в помещении предметов и фигур. «Фигура», в принципе, была-то всего одна – худощавая, мужского пола, с резкими чертами лица, пронзительными серыми глазами, золотым нимбом Эльтара над коротко стриженным затылком, в слепяще-белом медицинском комбинезоне.

– Гим Церон? – сказала «фигура», нагибаясь над его головой и заглядывая прямо в глаза. – Пришли в себя? Превосходно!

Стол начал изменять угол наклона – ноги Гима пошли вниз, голова – вверх. Когда угол с полом достиг восьмидесяти градусов, движение прекратилось. Свет в помещении чуть ослабел, и бывший сержант смог наконец оглядеться и по сторонам.

Он находился в некой медицинской лаборатории – на это указывали два стола с нишами в форме человеческого тела, стеклянными колпаками и пультами управления; всевозможные лапы роботов-манипуляторов, опускающиеся с матового, излучающего яркий свет потолка; белая окраска стен и всех металлических и полимерных поверхностей и предметов.

– С возвращением! – в лаборатории находился только один человек, и этот человек опускался сейчас в большое белое кресло – лицом к покоящемуся в нише третьего стола Гиму Церону.

Гим замешкался с ответом. Восприятие окружающего показалось ему очень четким, ничем не хуже, чем перед смертью, а вот понимание последнего факта отсутствовало – почему же пораженный полимерным клинком в самое сердце, он все еще продолжал сейчас и мыслить, и чувствовать?

– Я могу тоже сесть? – спросил десантник, указывая на второе пустующее кресло.

– А как вы себя чувствуете? – спросил неизвестный.

Гим прислушался к себе и пожал плечами:

– Никак. Также, как обычно.

Неизвестный всплеснул руками:

– Тогда – пожалуйста! Садитесь, раз вам так больше нравится!

Гим попробовал оторваться от почти вертикальной плоскости – его тело ничто не удерживало. На пути от операционного стола до середины комнаты, где стояло пустующее белое кресло, не возникло никаких незнакомых ощущений – здоровое натренированное тело, привычное восприятие цвета, звука и запаха, не требующая усилий координация. Все как всегда.

Неизвестный внимательно следил за его лицом.

– Не правда ли, неплохо для мертвеца? – как-то фальшиво – одними губами – улыбнулся этот Эльтар.

– Я – мертвец? – почему-то совершенно не беспокоясь о страшном смысле определения, спросил Гим.

– Были мертвецом. Сейчас уже нет.

– Кто я теперь?

– Хорошая постановка вопроса, – кивнул мужчина. – По-военному. Либо вы не верите, что пережили гибель своего тела, либо настолько беспечны, что не хотите об этом думать, либо только прикидываетесь безучастным. Позвольте вам объяснить, Гим Церон: вы действительно умерли!

– Странно. – Гим изучил глазами свое обнаженное тело. – Но выгляжу, как живой.

– Не смейтесь, Гим, с вами не шутят. Вы ведь должны помнить предсмертный миг?

– Я и помню...

– Свои ощущения до и после?

– Но я...

– Как вы думаете, почему вы живы? Почему вы здесь?

Ответ показался очевидным:

– Мне нанесли смертельную рану. Сердце остановилось. Вероятно, вызвали медицинский персонал, доставивший меня сюда, в лабораторию. Повреждения тканей восстановили. Меня реанимировали. Такое делалось даже у нас в дивизии! Здесь, на Колоконе, уровень медицины наверняка выше...

– С радостью позволил бы вам придерживаться этой версии, но разве вы сами НЕ ЗНАЕТЕ, что все было иначе?

Эльтар посмотрел на него так, словно не настаивал на ответе, а, наоборот, побаивался его услышать, или проверял, нет ли пациента каких-либо сдвигов.

У Гима мелькнула тень сомнения – где-то глубоко внутри что-то подсказывало, что и в самом деле возвращение его в этот мир не являлось таким банальным, как утверждала логика здорового мозга. Но сержант подавил в себе безрассудную тревогу – ответ найден, другого и быть не может.

– Я думаю и чувствую – значит я жив. Я жив – значит мне не позволили умереть. Нет ран от уколов шпaги – значит тело получило медицинскую помощь.

Человек изучал его глаза так внимательно, словно не верил, что Гим говорит то, что думает.

– Подождите, сержант! – неизвестный поднял руку, украшенную сразу тремя широкими браслетами с огромными, баснословной цены энергокристаллами. – Что, если все не так просто? Что, если я вам открою, что вы – самый дорогостоящий проект в истории всех внутренних служб человеческого мира?

– В каком это смысле, сэр?..

Неизвестный развалился в кресле поудобнее и взмахом руки заставил подняться из пола барный столик с двумя бокалами рубинового напитка.

– Очень хорошее вино, – указал Эльтар. – Угощайтесь!

Гим машинально потянулся за бокалом и сделал несколько глотков. Неизвестный смотрел на него при этом так, словно знал, что напиток отравлен.

– Ну как? – что-то в тембре голоса Эльтара выдавало, что его интерес вовсе не праздный.

– Я задумался над вашими словами, – извинился Гим. – Но, вроде, вкусно.

Он отпил еще:

– Да, очень вкусно. Спасибо!

Эльтар широко улыбнулся, только взгляд остался таким же сосредоточенным и серьезным.

– Вы вновь поступили на службу, сержант! – громко и четко заявил незнакомец. Его голос стал жестким, уверенным, командным.

– Что? – не ожидая такого перехода в интонациях собеседника, пробормотал десантник. – Я больше не Гим Церон?

– Вы – Гим Церон Ревенберг, но не тот, которого в себе знали. Вы – живой организм совершенно другого порядка! Вы – величайшее творение современного научно-технического прогресса!

Ваше сердце ранила шпага благородного Эльтара – по закону чести никто не смел вмешиваться. Мы не нарушили закона – ваше тело и сейчас кусок мертвого мяса. Но вы, лично вы, Гим Церон, вы вновь возвращены к жизни, чтобы продолжить свою службу идеалам мира и справедливости!

– Я не понимаю...

– Не перебивайте меня, сержант! Я старше вас и по возрасту и по званию – имейте же уважение на время сдерживать эмоции! Все сейчас объясню: нам нужен был человек для проведения очень серьезного эксперимента. Человек, который только что умер. Вы подошли как нельзя лучше. Как достаточно знатный, но не Эльтар; как кадровый военный, способный исполнять приказы и не задавать ненужных вопросов; как человек с высоким коэффициентом интеллекта и хорошими моральными качествами.

– Откуда вы знаете, что...

– Получили ваше досье с Клерона.

– Но я не давал согласия...

– Согласия остаться жить? А на это требуется согласие? Помилуйте, сержант, мы должны были спросить разрешение у трупа, или у вас есть близкие родственники?

– Родственники должны были быть... – прижатый натиском Эльтара, Гим начал путаться. – Фамилия Ревенберг...

– Вы родились в Эмбриональном Центре – какие родственники?! Они ничего о вас не слышали!

– Но вы сказали, мое тело – «кусок мертвого мяса»?

– Да. Ваше прежнее тело.

– У меня их два?

– Прекратите глупить – разумеется, одно, раз второе уже безжизненно!

– То есть я...

– Точная копия прежнего 947-го.

– То есть, клон?

– Нет, сержант, не клон! Ваше «я» осталось вашим «я»! А вот тело – не клон, а «точная копия»!

– Но как же это возможно?

– Мы получили вас еще до того, как вы окончательно умерли – смерть наступила уже в условиях нашей клиники. Мы сумели собрать и сохранить малый энергетический потенциал, который покидает тело в минуту смерти и считается отображением личностного «эго» в параллельной вселенной. Говоря иначе – «сберегли вашу душу». После этого была воссоздана точная клеточная копия вашего организма – вместе с накопленной в нем информацией, с умершими, состарившимися и поврежденными клетками. Вылечив раны, полученные во время поединка, мы запустили сердце нового организма и погрузили в него энергетический сгусток из прежнего 947-го. Насколько нам позволяла судить наша техника, сгусток прижился, разместившись на уровне солнечного сплетения и растворившись затем по всему оживающему телу. В итоге, вы – стопроцентно прежний сержант вооруженных сил Ростера, с прежними знаниями, воспоминаниями и моральными устоями... Потрясены?

– Вы сказали: самый дорогостоящий проект. Не понимаю – если это так дорого, почему нельзя было оживить меня прежнего? Или, наконец, просто дать мне уйти из жизни? Какой смысл переносить мое «я» из одного тела в другое? Если речь идет о науке...

– Нет, сержант! – с командирской резкостью перебил Эльтар. – Речь идет не о науке! Речь идет о весьма серьезном военном проекте, начатом по заказу герцога Ронтонте Институту Генетики Лотенбурга, одобренном Высшим Советом Эльтаров и получившем продолжение и осуществление под контролем и патронташем Совета Безопасности. Мы сделали копию мертвого тела, но копию иного порядка – неуязвимую для ран и болезней, не требующую отдыха, воды и пищи, выносливую и лишённую недостатков. Знаете из чего состоит ваше новое тело? Нет, сержант, не из воды и углерода! Ваше тело – совокупность ничтожно малых энергетических потенциалов, из которых мы получили цепочки, аналогичные биологическим углеродным! Используя, как строительный материал, не вещество, а фотоны, мы вырастили точные копии каждой клеточки вашего организма, заставив их взаимодействовать друг с другом и эмулировать свои прежние функции. Ни снаружи, ни внутри ничем не отличаясь от обыкновенного человека из плоти и крови, на самом деле вы не имеете больше с нами, людьми, ничего общего: вы можете есть и пить и даже находить в этом удовольствие, поскольку рецепторы вашего языка воссозданы с безукоризненной точностью и способны исполнять те же функции, но этот способ получения энергии и строительного материала не является для вас жизненно важным – ваш организм высасывает энергию из теплового движения молекул воздуха, из солнечных лучей и геомагнитного излучения планет и небесных тел; вы можете помнить и думать, потому, что у вас есть мозг, но попавшая в голову пуля пройдет насквозь, не повредив, а лишь «раздвинув» на время структуру его «серого вещества»; вы можете чувствовать, но теперь не только «душа», но и все ваше тело есть продолжение прежнего энергетического «эго» – возможности вашей энергетики, вашей восприимчивости и ваших внутренних сил еще не изучены, но обещают выйти за пределы возможностей самых сильных людей нашего времени! Вот, что мы из вас создали! Вот, сержант, кто теперь вы!

– Но зачем?! – Гим Церон потирал виски, ужасаясь словам Эльтара и серьезно сомневаясь, нужно ли ему во все это верить.

– Спрос рождает предложение. Эльтары давно экспериментировали с энергетическими фотоидами, пришло время пойти дальше – создать фотоид-личность, фотоид-человека. Создать неуязвимого солдата, которого нельзя поразить обычными средствами, действенными против живых людей. Вы – первый образец, Гим Церон, первый опытный экземпляр. Вам достанутся и все лавры...

– Но почему выбрали именно меня?

– Случайность. Совпадение фактов. Вы оказались в нужное время в нужном месте. В придачу – отвечали всем нашим требованиям.

Гим отрицательно покачал головой:

– Не думаю – слишком много этих «случайностей». Кто вызвал меня на Колокон? Кто такой Ланкорус Дитриез?

Вельможа замолчал и какое-то время в упор взирал на сержанта, задумчиво водя согнутым указательным пальцем по своим губам. Наконец, он шевельнулся:

– Ланкорус Дитриез – это я, сержант. Руководитель Секретного Отдела Службы Безопасности при Высшем Совете Эльтаров. Ваш непосредственный начальник... Но я не вызывал вас на Колокон!

– Тогда, что же я делаю на вашем самом секретном объекте?

Ланкорус сверкнул глазами, ответил резко, но с невозмутимым видом:

– Я не все знаю, сержант – только то, что мне положено знать! Как и вы, ведь верно? Вероятно, вас пригласили на Колокон, потому, что не могли отыскать ваших родителей – оста-

вас надежда, что их все же найдут, чтобы познакомить с вами уже здесь, на Колоконе. Мы часто используем Колоконы, как места для встречи – Колоконы сокращают время и расстояние.

– Но почему столько чести?! Почему столица?! Почему прием посла?! Откуда, наконец, Род Лан знал, что я появлюсь здесь?!

– У вас действительно очень знатные родители, лорд... А вы, вероятно, считаете, что все было подстроено? Все от лотереи до поединка? Вы это серьезно?

– Сами же говорили: проект дорогостоящий...

– В космосе триллионы сержантов, а нам понадобилось вытаскивать со дна именно вас, потому, что некуда было девать деньги?!

– Ну, я не знаю...

– Не понимаю! – заявил Эльтар. Он вновь заглянул в глаза Гиму. – Вы что же, еще и недовольны?!

– Это все-таки была МОЯ жизнь. Мое право решать...

– Вы – солдат! Ваша жизнь принадлежала не вам, а правительству конфедерации Нибуса!

– Мне сказали, я больше не солдат?

– Вам сказали: «вы больше не сержант»! Это не одно и то же!

Ланкорус вздохнул и наклонился поближе к Гиму:

– Мне оскорбительны ваши намеки, Гим Церон! Давайте перевернем всю картинку. Предположим, что мы все спланировали – ваш вызов, вручение именного сертификата, поединок с Родом Ланом. Объясните мне только один момент: зачем нам тогда скрывать от вас свое участие в этом деле? Вы – сержант армии миров Второго Кольца! Нам не к чему играть с вами – мы могли бы попросту отдать вам приказ! Мы могли приказать вам прибыть на Колокон, могли приказать вам участвовать в эксперименте! Мы могли бы убить вас тысячей способов – к чему рисковать, доводя дело до какого-то там поединка да еще в общественном месте и в центре столицы?! Что, если бы вы убили Рода Лана, а не он убил вас?!

Ланкорус выдержал паузу, давая Гиму обдумать услышанное. Затем подытожил:

– Правда – она всегда проще, чем кажется, Гим Церон. В вашем случае, правда такова: вы выиграли в лотерею и получили свой приз здесь, на Колоконе; вы повздорили с благородным и сошлись с ним в поединке, закончившимся для вас смертью; нам понадобился доброволец для создания идеального агента СБ, и мы решили спасти вас, предположив, что материал оправдает затраченные на него средства... Именно так! Вам понятно?!

Командный тон вельможи не допускал возражений – Гим только моргнул глазами в знак согласия.

– Впрочем, – закончил Ланкорус. – У вас еще будет время все обдумать и переосмыслить. Найдете все свои причины и следствия. В проект по вашему возвращению к жизни вложены астрономические суммы – соответственно, кредиторы ожидают окупаемости. С этого момента, сержант, вы – агент Секретного Отдела СБ при Высшем Совете Эльтаров. Первое задание будет обучающим – вы узнаете возможности своего нового организма, мы, соответственно, изучим реакцию вашего тела на те или иные внешние факторы. Если все пойдет по плану, вас Гим ждет офицерское звание, нимб Эльтара и разнообразная, насыщенная событиями и приключениями жизнь на самой вершине человеческого общества. Первое задание будет таким: послужить телохранителем и советником при герцоге Ронтонте на планете Излин.

– Советником? Я?

– Считаете, вам недостает знаний? Мы так не думаем. Потом, Гим Церон, вам надлежит послужить НАШИМ советником при Ронтонте – советы будем давать мы! Герцог – наш союзник, он заплатил нам за подготовку идеального средства собственной безопасности. Ему предсказали скорую смерть от руки наемного убийцы – бедняга буквально помешался на своей охране и телохранителях... Ваша задача несложная – не допустить, чтобы герцог пострадал в течении ближайшего излинского года (именно такой срок отпустил для Ронтонте ясновидя-

щей), и вернуться к нам на Колокон с арсеналом знаний о своих силах и приобретенным опытом. В течении этого времени мы подыщем для вас работу поинтереснее.

– Как я получу необходимые «советы»?

– С вами свяжутся, когда будет нужно.

– Вообще-то, я никогда не учился и на телохранителя. Герцог рассчитывает на специалиста, а у меня нет опыта в...

– Вам приходилось забывать о собственной безопасности, чтобы спасти жизнь попавшему в беду товарищу?

– Ситуация требовала... Это ведь не то же самое?

– То же. Всегда помните, что главное – сохранить герцога. Задача номер один. Чтобы предсказать опасность, полагайтесь на интуицию – она у вас сильнее, чем у простого смертного. Убить вас нельзя, вы ничем не рискуете – смело забывайте про свою жизнь и берегите жизнь подопечного... Хорошо себя чувствуете?

Ланкорус поднялся, жестом предлагая последовать его примеру.

– Я даже в чем-то завидую вам, Гим, – на этот раз с хорошо сыгранной улыбкой признался начальник Отдела. – Только никогда не забывайте: это мы вас создали. Вы принадлежите нам и служите нам. Вам не впервой подчиняться приказам – знаете ведь, что бывает за их умышленное невыполнение? Конечно, вы – неуязвимый солдат, но только не для нашего Отдела, Гим Церон. Помните это!

Разведчик «Ворбунг Шоот» ждет в посадочной зоне близ Лотенбурга – туда вас доставят на вашей яхте. Капитан и экипаж в курсе всего маршрута. Служите с честью, Гим Церон! Прощаюсь, но надеюсь на скорую встречу!

Глава 7

После ухода Гима Церона в углу зала растворилась силовая маскировочная ширма, обнаруживая спрятанное за ней кресло с еще одним зрителем. Этот человек был массивным, полным, пожилым и обладал неприятным колючим взглядом. Над его головой до боли в глазах сиял желтый нимб, а браслеты на по локоть голых руках говорили о высочайшем ранге.

Едва дождавшись исчезновения силовой преграды, новое действующее лицо выбралось из своего кресла, с разгневанным видом заглянуло в глаза Ланкорусу Дитриезу и начало нервно вышагивать мимо начальника отдела СБ взад и вперед.

– Что за чушь вы здесь несли?! – справившись с возмущением настолько, что смог наконец сложить мысли в слова, поинтересовался новый Эльтар. – Что это за галиматья?! Какой «проект», какой «человек-фотоид»?!

– Успокойтесь, прошу вас, – попросил Ланкорус. – Давайте присядем!

Оказавшись в креслах друг перед другом, мужчины встретились глазами.

– Ладно, я вас выслушаю, – согласился полный вельможа. – Еще раз выслушаю. Итак: из того, что вы рассказали этому парню, что-то правда?

– Почти все, милорд. Все, кроме того, что МЫ его создали.

– Меня тошнит от ваших загадок! Кто же тогда?!

– Никто, милорд. После смерти сержант трансформировался сам.

– Неужели? – вельможа постучал пальцами по барному столику, раздумывая, что бы такое выбрать, и одновременно давая понять, что заинтригован именно тем, как Ланкорус выпутается из паутины собственного вранья.

– Для этих существ смерть равносильна перерождению. Они сохраняют человеческий облик только до гибели материальной оболочки. Вместо того, что сгнить, мертвая оболочка трансформируется в кокон, внутри которого формируется новое, более совершенное тело – энергетическая копия водно-углеродного оригинала.

– Как бабочка? – подсказал вельможа, уже вдыхая аромат из бокала заказанного вина.

– Что, милорд? – Ланкорус не расслышал за своими мыслями. Он не ожидал, что Советник станет шутить.

– Есть такое насекомое, – объяснил вельможа. – Проходит четыре метаморфозы: яйцо, гусеница, кокон, бабочка. Бабочек отличают большие тончайшие разноцветные крылышки, покрытые мельчайшими ворсинками и цветочной пылью... Прелесть! – толстяк мечтательно закатил глаза и сделал большой долгий глоток. – Рассказывайте дальше: что отличает нашего индивида?

– Физическая неуязвимость, плюс аккумуляция очень большого количества энергии.

– То есть то, что я тут слушал: углеродистые цепочки, составленные из фотонов, клетки, в которых нет воды, один к одному переданная структура тканей, функционирующие в обычном ритме мертвые органы...

– Ну конечно же нет, милорд.

– Нет?

– Я пока не знаю, как он устроен. Сканеры не обнаружили на теле сержанта ничего необычного – ни на микро, ни на макро уровне. Только сержант – это не мы с вами, он – идеально переданное изображение человеческого организма. Его суть – энергетический сгусток, обладающий мыслительными и чувственными характеристиками. Он действительно целиком и полностью состоит из мельчайших энергетических потенциалов, но мы не вправе говорить о «повторении клеточной структуры», потому, что новая ткань совершеннее своего образца.

– Изображение? Он, что же, может в любой момент изменить внешний облик?

Ланкорус помрачнел и признался:

– Открою секрет, милорд: я понятия не имею, что он может.

– А должны бы иметь! – напомнил толстяк. – Вы для того здесь и сидите!

– Всему свое время! Сведения об энергетических мутантах появились в галактике совсем недавно. До сих пор до меня доходили только ничем не подтвержденные слухи и подозрения. Сержант с личным номером 947 – первый образец, тем более – доставшийся нам в начальном, человеческом облике.

Ланкорус посмотрел на Советника – толстяк наконец перестал пить и внимал с интересом.

– Его нашел сотрудник моего отдела, Род Лан Меттори – бестолковый, вспыльчивый, капризный юнец, который, между тем, иногда оказывался полезным. Нашел случайно. Я даже хотел представить его к награде, но передумал, когда соплик начал совать нос не в свои дела. По рассказам Рода, он встретил в баре планеты Второго Кольца некоего солдата, с которым не поделил обеденный столик и сцепился в драке из-за ничего не значащего пустяка. Оскорбленный, Род уговорил парня сдать кровь на Лотерею Крови, надеясь (наглец!), что я соглашусь подтасовать для него результаты и наградить безымянного именем, чтобы позволить законно и достойно статуса Рода Лана заколоть бедолагу на поединке чести.

– Что же особенного было в анализах?

– Только одно: мы не смогли отыскать родителей человека с исходным генетическим кодом.

– Его родители – не лорды фамилии Ревенберг?

– Конечно же нет, милорд. Но те были бы не против. Обман не велик – Ревенберги – провинциалы из провинциалов, а генетические показатели юноши оказали бы честь и более знатному роду.

– Не понимаю. Вы приволокли неизвестно что сюда, на Колокон, наградили его титулом и именем; заставили нас встретиться с этой тварью и лично вручить ей липовые документы; наконец, позволили ему умереть в поединке – только не говорите, что это не входило в ваши вселенские замыслы – и превратиться здесь, на Колоконе, в жуткого энергетического монстра, о возможностях которого даже вы ничего не знаете! Вместо того, чтобы оберегать Совет от опасностей, вы наоборот подвергли нас очевидному риску! Ваши действия...

– Я отвечаю не за безопасность Совета, а за безопасность всей цивилизации Эльтаров! – с оскорбленным видом заявил Ланкорус, сбрасывая наконец с лица маску подобострастия. – Спектр работы моего отдела несравнимо шире, нежели обязанности патрульно-постового подразделения правительственной охраны! Если вы позабыли, осмелюсь напомнить, милорд. Наш мир держится не на уважении, преклонении и здравом смысле. Как и десять тысяч лет назад в его основе основ – страх, сила и умение выживать. Законы жизни все также жестоки и беспощадны: проигравший теряет все, а победитель выигрывает только время! Знаете, что делает Империю Эльтаров несокрушимой? Техническое и культурное превосходство? Разве в истории были случаи, когда человеческое общество останавливалось перед желанием уничтожить все, что ему непонятно? Мощь вооруженных сил и незнакомого другим расам оружия? Сколько у нас космических кораблей? Сколько у нас пилотов, солдат, офицеров? Много? В сравнении с чем? Мы вынуждены охранять Колоконы и свои планеты, разбросанные по трем галактикам – в итоге, наш флот распылен по всей вселенной, у нас нет единой армии, способной проводить многолетние военные маневры без ущерба для безопасности собственных стратегических точек. Мы не можем себе позволить ввязаться в военную компанию, если не будем уверены в ее скором победном завершении. В противоположность нам, миры Второго и Третьего Круга не связаны по рукам и ногам размерами своих империй; они вооружены, они агрессивны, они испытывают потребность к расширению. Нас берегут не знание и умение, милорд, нас охраняет осторожная, сбалансированная, грамотная политика, следить за верностью курсу которой и поручено мне и моему отделу! Наша задача – не охранять вас, а выявлять скрытую внутрен-

ною и внешнюю угрозу существующему порядку и избавляться от нее раньше, чем она успеет перерасти до состояния конфликта!

– Читаете мне основы политэкономии, Ланкорус? – проворчал Советник.

– Всего лишь напоминаю, милорд, для чего организовывался секретный отдел, находящийся под моим руководством. Моя работа – создать и подкармливать всеобъемлющие хаос, неразбериху и нестабильность. Стравить между собой звездные системы и помогать и той и другой расходовать впустую собственные энергию и материальные ресурсы. Следить, чтобы не появилось реального лидера, чтобы не разрастались союзы и конфедерации, чтобы прогресс на планетах Второго и Третьего Круга не набрал критической массы, приводящей к научно-техническому взрыву. Чтобы не только Совет, но и вся Империя могли жить с уверенностью в собственной безопасности. Чтобы наши пресловутый флот и пресловутая армия не расходовали сил на подавление хорошо подготовленных интервенций или, не менее подтачивающих стабильность государства, пограничных конфликтов.

– Я знаю, каковы ваши обязанности, Ланкорус! – покраснел и повысил голос толстяк. – Вопрос в том, что за общим вы перестали видеть частное! Может быть, у вас все получается с государствами, но в работе с отдельными личностями налицо очевидные просчеты!

– Не думаю, милорд, что в решении проблемы Гима Церона допускались ошибки. К прецеденту привела не беспечность, а собственная система контроля рождаемости. С какой целью мы помогли Вторым и Третьим мирам открыть по всему космосу Эмбриональные Центры? Да, Эмбриональные Центры избавили галактику от детской смертности, плохой наследственности, кровосмешения, генетической неполноценности, всевозможных болезней и проблем, возникающих у женщин репродуктивного возраста. «Продукция» Эмбрионального Центра легче воспитывается, быстрее учится, лучше развивается. Почему же тогда мы сами не отказываем нашим детям в отцовстве и материнстве? Потому, что мы – элита. Потому, что наши дети от рождения должны знать, что они – элита. Потому, что мы не отказываем себе в удовольствии оставаться националистами, хотя и лишили этого темного наслаждения всю остальную человеческую вселенную. Потому, что у наших Центров есть и вторая, скрытая, но куда более важная для нас функция: вышедший на свет человек принадлежит не народу, не расе, не планете и не системе – он принадлежит всему космосу. Если он белый, то никогда не посмотрит на черного, желтого или красного с высокомерием и расовой ненавистью – в его собственной крови всегда может оказаться толика черного или желтого, а узнать, «какого цвета и сколько» никогда не представится возможности. В нем никогда не зародятся идеи национализма или фашизма, потому, что в людях галактики нету сейчас национальных различий! И это хорошо для всех – и для них, и для нас. Для нас, потому, что людям, лишенным общего признака, нет повода объединяться для совершения чего-то чудовищного и безрассудного, чтобы пойти на всех «не таких как...» с джихадом или крестным походом. Они – не стадо. Они – совокупность личностей, каждая из которых верит только в себя и в свои силы, а не в подарок, оставленный отцами, дедами и прадедами – может быть, где-нибудь, чем-то лучшими своих менее одаренных, но не менее самолюбивых соседей.

И вот, оказывается, опасность смогла затаиться в основной идее этой методики – изначально не допустить контроля: какому мужчине принадлежал удачливый сперматозоид, и яйцеклетка какой женщины послужила началом тому или иному человеческому отпрыску. По правилам игры, у нас самих остался только один способ поиска – сравнение генетических цепочек. Мы запретили заниматься этим другим, а сами не видели особого смысла отслеживать истории рождения секстильонов простолюдинов. Мы сделали лишь одно исключение – создали Лотерею – чтобы не убивать в людях надежду на невероятный случай; чтобы выявлять тех, у кого природная одаренность сокрыта или не развивается должным образом; а также – разыскивать отпрысков именитых родителей, желающих по-настоящему породниться с человеком собственной крови и способных оплатить эту дорогостоящую услугу.

Мы столетиями не контролировали изменения и процессы, протекающие в генетическом море «Единой Программы Рождаемости». И вот, кто-то этим воспользовался. Кто-то атаковал нас внутри нашего собственного генетического кода.

– Но кто этот «кто-то»?!

– Не знаю, кто. Высшая раса.

– Высшая раса?! – взвизгнул Советник. – Нет никакой высшей расы!

– Это мы так считаем. Хотелось бы, чтобы так оно и было. Мы на порядок превзошли развития миры Второго Кольца, на несколько порядков – Миры Третьего и Четвертого Колец. Вполне вероятно, что существует кто-то настолько же умнее и сильнее нас самих. Я не фантазирую, милорд, я рассуждаю. Что есть вершина нашей цивилизации? Во первых – Колоконы – искривляющие пространство гиганты, позволяющие нам чуть-чуть сократить масштабы окружающей Вселенной. Но мы ведь не отвергаем гипотезы, что добиться такого же перехода между «складками» пространственно-временного континуума можно и без строительства титанических сооружений. Значит, нет предела совершенству, а нам – еще далеко до его достижения. Второе – фотоиды. Например, фотоиды-кристаллы, как в моих и в ваших браслетах – камешки, содержащие запас энергии, достаточный для перемещения космического корабля внутри какой-нибудь небольшой солнечной системы. Мы научились использовать энергию фотоидов, управляя ею органами чувств и сочетая со своей собственной, биологической энергетикой. Волновой нимб у вас над головой так ослепителен не только от большего, чем у меня, числа кристаллов-фотоидов на конечностях, шее и груди, а от нежелания экономить свой кажущийся безграничным запас сил и от потребности в постоянной демонстрации своего превосходства. (Не хочу вас обидеть, говорю лишь о сути явления.) Фотоиды сделали нас сильнее физически, позволили нам защититься от непосвященных и от превратностей природных явлений, помогли разработать и применить в жизнь информационный обмен совершенно иного, не магнитного и не волнового порядка, доступ к которому открывается в любой точке космического пространства, где ступает хоть один Эльтар, обладающий даже самым маленьким и слабым фотоидом. Наша секретная глобальная информационная сеть – третье огромное и неоспоримое преимущество над остальными мирами и цивилизациями. Теперь же представьте: что, если существует цивилизация, где в фотоиды научились превращать не выращенные в определенных условиях камни, а самих себя, своих генетических детей? Что, если Гим Церон – ее первый подброшенный нам незаконнорожденный сын?

– Подброшенный зачем? – испуганно выдохнул толстяк.

– Не знаю, зачем. Если цивилизация людей-фотоидов – реальность, мы довольно долго не привлекали их интереса. Возможно, для сохранения стабильности своего мира они используют те же методы – заметив, что темпы развития низших цивилизаций (то есть, для них – нас – Эльтаров!) превысили допустимые, неизвестные пришли к выводу, что пора и им наконец вмешаться.

– Это ужасно! – пробормотал Советник.

– Вот и я так думаю, – согласился Ланкорус. – И, поверьте, делаю все возможное, чтобы вернуть ситуацию под контроль Совета.

– А что же вы можете?

– Кое-что могу. Например: сократить рождаемость, ввести контроль доноров.

– А что делать с теми, кто уже родился? Почему вы приволокли Гима на Колокон, а теперь отпускаете на все четыре стороны? Почему вы обманули его, назвав своим изобретением и объявив нашим агентом?

– Вызвал сюда, потому, что хотел убедиться в существовании проблемы. А еще потому, что, если парень – на самом деле фотоид, для нас же разумней привлечь его на свою сторону, сделать человеком высшего света, заставить быть нам благодарным. Я дал юноше имя, титул и деньги. Что касается обмана, вы же видели – он ничего не подозревает. Он воскрес

тем же самым 947-ым, которым умер, истекая кровью – сержантом десантной дивизии, привыкшим исполнять приказы, лишенным самолюбия и самомнения. А, поскольку рано или поздно даже у классического сержанта появится интерес к переменам, произошедшим с собственным организмом – я предупредил любопытство, ведущее к опасной для нас правде, объяснил, что необычное тело – результат нашего технического прогресса, наше детище, наша собственность. Я внушил Гиму Церону страх перед Эльтарами, объяснив, что для нас (и только для нас!) его тело – такое же заурядное и уязвимое как и любое другое. И еще – я его нанял. Я не обманул этого человека, а действительно принял его на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.